

«МОЯ КНИГА»

- Книги для детей и взрослых
- Канцелярия в ассортименте
- Подарочные издания, сувениры
- Краеведение, ретрооткрытки
- Наборы для детского творчества
- Развивающие игры

Мы ждём Вас по адресам:

ул. Советская, д. 11
тел.: 8-900-495-79-35
ул. Ореховая, д. 7
тел.: 8 (4752) 58-31-61

Друзья!

Торговое предприятие «Моя книга» сегодня единственное в нашем регионе, которое реализует не только книги местных авторов, но и живописные работы как начинающих, так и маститых художников. Кроме того, книжный магазин поддерживает по своему уникальное издание - «Рассказ—газету», которую можно приобрести только здесь, причём, совершенно бесплатно. Газета рассчитана на широкий круг читателей, но при этом она развивает художественный вкус, знакомит с новыми произведениями писателей, краеведов, культурологов, чьё творчество так или иначе связано с Тамбовщиной.

www.m-kniga68.ru

Рассказ- газета

№ 13 2018 год

Издаётся с 1991 года

80-лет со дня рождения Александра Акулина

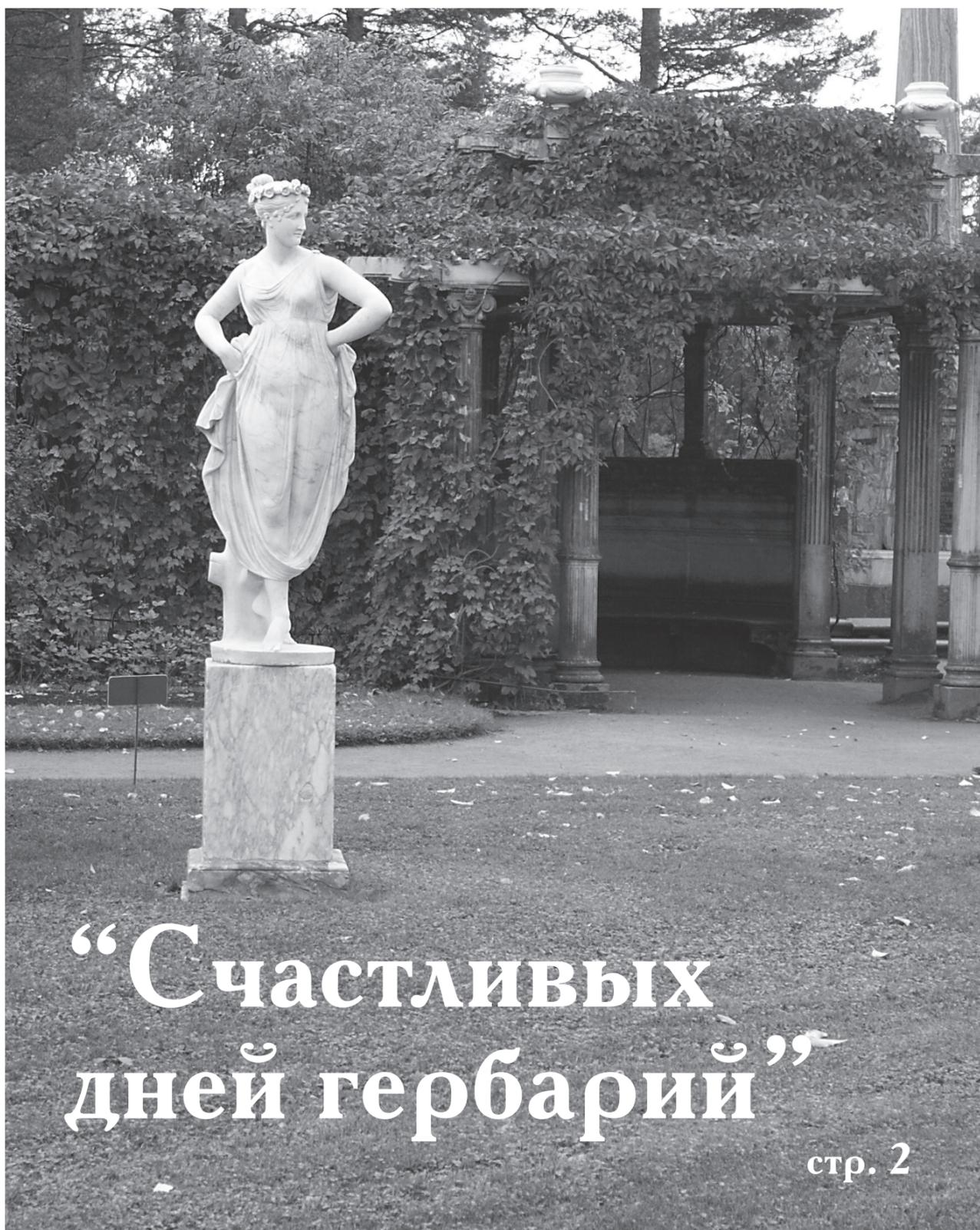
С детства Александр Акулин, по его собственному признанию, мечтал стать писателем: упорно рифмовал слова и строки. Потом попробовал себя в прозе. Начал с небольших заметок в газету «Комсомолец Кузбасса», в которой был внештатным корреспондентом, когда работал в Новокузнецке. В этой газете и появился первый рассказ начинающего литератора.

Родился писатель и издатель Александр Михайлович Акулин в селе Большая Лозовка Токаревского района Тамбовской области 26 июня 1938 года. После окончания школы работал в колхозе, на стройках Тамбовщины и Сибири. В 1967 году вернулся в Тамбов и полностью посвятил себя творчеству. Первое объёмное произведение писателя — автобиографическая повесть «Шурка-поводырь». Он посылал рукопись во многие журналы, издательства, но её не печатали. Живя и работая по законам народной мудрости «терпенье и труд всё перетрут», Акулин писал, переписывал, бросал и начинал снова. В 1975 году повесть была опубликована в журнале «Волга». Это случилось после того, как Акулина послали на Всесоюзное совещание молодых писателей, и он попал в семинар к редактору «Волги» Николаю Шундику. Ему повесть понравилась, он напечатал её в своём журнале, а через год она вышла отдельной книгой в Центрально-Чернозёмном издательстве в Воронеже. И в этом же году Александра Акулина приняли в Союз писателей — по одной книге: редкий случай!

В последующие годы произведения тамбовского прозаика периодически появляются в журнале «Подъём», издаются отдельными книгами в Воронеже и в Москве.

Герои первых произведений Александра Акулина — преимущественно дети, но читать его книги интересно и взрослым. Становление характера подростка — вот основная тема прозаика. Беря начало в повести «Шурка-поводырь», эта тема приобретает ещё более сильное звучание в дальнейшем творчестве писателя.

Продолжение на стр. 14.

“Счастливых дней гербарий”

стр. 2

“Счастливых дней гербарий”

Олег АЛЁШИН

Где-то в глубине Екатерининского пейзажного парка «гуляя медленно, избалованный от зол», я долго искал свою скамью, точнее, то место на земле, где можно почувствовать некое отдохновение, а, может быть, и обрести самого себя. Но бесчисленные и разветвляющиеся тропы осеннего парка не позволяли мне сосредоточиться на главном, увлекая, всё дальше и дальше от царского дворца, где в очереди за взбитыми сливками барокко шумно галдят канареечные толпы китайских туристов.

Наслаждаюсь уединением и лёгким шелестом многовековых дубов. О! Эти застёгнутые наглухо аристократы всё ещё держат спину, как строгие учителя Пушкина в Царскосельском лицее.

Сквозь ряд елей примечаю белую скамью, но это место мне кажется немного неудобным, даже сумрачным. Под сырыми тенями веток большого куста не сразу различаю черты бронзовой женской фигуры на каменном валуне...

Нет, я не страшусь обыденности, в сущности, наша жизнь проходит в ней, но часто не хочу подвергать своё воображение испытанию реальностью. «Девушка с кувшином» — мой любимый образ. Конечно, я мечтал найти этот таинственный фонтан в Царскосельских садах, но не сегодня: к этой встрече нужно было хоть как-то подготовиться. Разочарование сродни утрате возвышенного чувства в самом себе.

Но лепет неспешной струйки воды, вытекающей из разбитого сосуда, и милая суета воробья, залетевшего сюда поплескаться в мраморной канавке, позволили мне сохранить в себе чистоту восприятия бронзовой скульптуры, навеянной поэзией серебряного века.

Может быть, здесь любил сидеть Иннокентий Анненский, провожая взглядом одинокий жёлтый лист, гонимый течением робкого водомёта.

Странно, но в России до сегодняшнего дня по-настоящему не прижилась его поэзия. Творчество Анненского сродни этому негромкому фонтану, который прячется от непосвящённого глаза в глубине пейзажного парка, вдали от широких и шумных аллей. А может быть, так и нужно. Ведь заболтали Пушкина, сделав из него «своего парня», поставив на финансовый поток его трагический образ. Нет, уж лучше пусть горстка эстетов и знатоков высокой поэзии наслаждаются лиловым ароматом, нездешним благозвучием, приглушёнными чувствами поэзии Иннокентия Анненского.

В надежде на возвращение в Царское село, глазу уже кем-то отполированную до блеска ступню бронзовой статуи «Молочницы», но девушка с античным пробором равнодушна ко всему, что её окружает. Эта отчуждённость сродни уединённости — желанию побыть наедине со всем этим миром фонтанов,

ручейков, бронзовых колонн, статуй, прудов — всего то, что заполняет твоё существование, создает воздух, без которого я уже не мыслю своего существования.

Возможно, этой ступни когда-то касалась Ахматова? Почему-то вспомнился неотчётливый чёрно-белый снимок, на котором ещё совсем юная Анна неумело позировала здесь неизвестному фотографу.

Как я мог забыть, что в 90-е годы прошлого столетия установили копию этой скульптуры? Что же осталось подлинного в этом парке после революции и бомбёжек люфтваффе? Но лучше об этом не думать и идти дальше. Но куда?

Да хотя бы вдоль берега Большого пруда. Сколько здесь уютных скамеек для тихих и неторопливых бесед. Но лёгкое шуршание первой осенней листвы под ногами больше располагает к прогулке — этому неторопливому и почти священному действию, когда

твоему сознанию не нужна опора для поддержки какой-то важной и, быть может, гнетущей мысли. Напротив, прогулка — это абсолютная свобода созерцания внешнего мира, который непонятным образом входит в тебя, точнее, отражается, как небо в зеркале Большого Царскосельский пруда. В прогулке нет напряжения, труда, даже цели. Этим она и ценна.

Я почти физически ощущаю, как поэзия Царскосельских садов врачует мой «скорбный дух». Вдруг пришло осознание, что поэзия в широком понимании этого слова призвана смягчать нравы, облагородить человеческое существование.

Тогда я ещё не знал, что такое вибрационное осознание. Через пару дней, уже в поезде, я разговорился с попутчицей, которая шесть лет практикует йогу. Она и рассказала мне об этом явлении. От своих духовных убеждений, которые я трудно пережил, конечно, не собирался отказываться,

но мне показалось интересной эта «теория». По её словам, стоит человеку изменить свое отношение к жизни, то сразу же меняется его окружение, язык, увлечения, даже пища. Он начинает ощущать иные вибрации, которые преобразуют его жизнь. Так вот, моя трёхдневная поездка в Царское село, как я теперь понимаю — это попытка ощутить вибрации любимого мной XIX века, исходящие отовсюду, как от этой дорожки, по которой любил в уединении гулять поэт, граф Василий Комаровский.

Не могу толком объяснить, чем мне так дорог этот поэт, но, в сущности, своей поездкой в Царское село я обязан ему.

Когда я открываю сборник стихов Василия Комаровского, то у меня неизменно возникает ощущение, что я вышел вместе с ним на долгую и неспешную прогулку по Екатерининскому парку Царского села. Наш разговор не выходит за пределы поэзии, что мне всегда импонирует в общении между людьми. Мне нравится его неторопливая поэтическая речь, есть в ней что-то от бронзовой латыни, античных статуй, насыщенных красок картин Тинторетто. Временами мы просто молчим или подкармливаем хлебом уток на пруду.

Мы, любопытствуя, прошли дворец и своды,
Где тень внезапно леденит.
Но равнодушие бездумного народа
Их предрассудок сохранит...

Лазурная стена сияет веселее,
Чем синий, зимний небосклон.
И Камероновы белеют пропилен
Беспечной чёткостью колонн.

Ингерманландии окутанные дали
И елей сероватый цвет.
День этот солнечный, в котором нет печали,
Но счастья — счастья тоже нет.

И всюду важные и пышные дороги
Сплелись в себялюбивый круг.
А снегом искрится и блещет скат отлогий,
Равняю озеро и луг.

Лишь ветер налетит и жжёт, немного пряный,
И временами, снова злей,
Он всюду закрутит, тоскуя окаянно
Среди расчищенных аллей.

1913

Я никогда не устаю от стихов Василия Комаровского, часто читаю их вслух, чтобы хоть как-то сбалансировать своё внутреннее состояние. Есть в них какое-то терапевтическое свойство, несмотря на некоторую тревожность его образов. Я начал, как и все — и с юношеским жаром любил и буйствовал. Любовь прошла пожаром, Дом на песке стоял — и он не уцелел.

Тогда, мечте своей поставивши предел,
 Я Питер променял, туманный и угарный,
 На ежедневную прогулку по Бульварной.
 Здесь в дачах каменных — гостеприимный кров
 За революцию осиротевших вдов.
 В беседе дружеской проходит вечер каждый.
 Свободой насладись — ей не будет дважды!
 Покоем лечится примерный царскосёл,
 Гуляет медленно, избавленный от зол,
 В аллеях липовых скептической Минервы.
 Здесь пристань белая, где Александр Первый,
 Мечтая странником исчезнуть от людей,
 Перчатки надевал и кликал лебедей,
 Им хлеба белого разбрасывая крошки.
 Иллюминация не зажигает плошки,
 И в бронзе неказист великий лицеист.
 Но здесь над Тютчевым кружился «ржавый лист»,
 И, может, Лермонтов скакал по той аллее?
 Зачем же, как и встарь, а может быть и злее,
 Тебя и здесь гнетёт какой-то тайный зуд? —
 Минуты, и часы, и месяцы — ползут.
 Я знаю: утомясь опять гнездом безбурным,
 Скучая досугом своим литературным,
 Со страстью жадною я душу всю отдам
 И новым странностям, и новым городам.
 И в пёстрой суете, раскаяньем томимый,
 Ведь будет жаль годов, когда я, нелюдимый,
 Упорного труда постигнув благодать,
 Записывал стихи в забытую тетрадь...

1912

Василий Комаровский для меня — это прививка от постмодерна, в культурном пространстве которого мы сегодня обитаем, где размыты смысловые границы, утеряны традиции, опошлена классика.
 И вот теперь воочию я неспешно прогуливаюсь по его пешеходному маршруту. По пути собираю дубовые и кленовые листья. Этот нехитрый гербарий трёх счастливых дней, которые мне предстоит прожить в Пушкине, уже дома вложу их в томик стихов Василия Комаровского, чтобы при чтении засохший лист случайно выпал из тайника. Эта закладка памяти меня вернёт на аллею Царского села.
 А свою скамью, быть может, я отыщу завтра...

Цикл стихов, посвящённых поэту Василию Комаровскому

1.

Уехать в Царское село,
 Когда погода, так, на тройку,
 Когда, как скульпы, в ночь свело
 Морозом сумрачную Мойку.
 Ходить по улицам пешком,
 Заглядывать прохожим в лица,
 И каждого почтить кивком,
 Как лёгкая на ветке птица.
 Случайно встретить в глубине
 Екатерининского парка
 Молочницу на валуне
 (Любви последней аватарка).
 И птицам раскрошить батон
 У кромки пруда без остатка.
 Прогулки праздной моветон -
 Спешить куда-то без оглядки.
 И на исходе светосил
 Бродить по тихой Магазиной.

Здесь где-то Комаровский жил,
 Теперь скрипит лишь снег музейный.

Я взял у питерской зимы
 Немного сумрачного блеска,
 Немного холода взаймы.
 На том и кончилась поездка.

2.

Закрыв глаза, но в темноте
 Блуждает «отблеск Рима».
 На петербургской широте
 Я вроде пилигрима.
 Ищу под снегом особняк -
 Дом Палкина, в котором
 Когда-то обитал сквозняк
 За неподвижной шторой.
 Открыт забытый Де Ренье
 На титульной странице.
 Лакей, похожий на рантье,

Скрипучей половицей
 Наводит скуку. Старый фокс
 Лежит под тёртым креслом.
 Собачей жизни ортодокс
 Зевает в день воскресный.
 В альбоме чуткий карандаш
 Балуется бездельем:
 Вселилась тётя в антураж
 С беспечным рукодельем.
 Племянник вышел, как всегда,
 На пешую прогулку.
 Дойдет до дальнего пруда,
 Раскрошит птицам булку.
 На письменном его столе
 Счастливых дней гербарий:
 Знал толк в неспешном ремесле
 Латинский антикварий.
 Укрыто Царское чехлом,
 Как мебель в кабинете.
 Вся эта жизнь, как под стеклом,
 В люминесцентном свете...
 На месте дома отыскал
 В снегу один трилистник.
 Февраль отнюдь не радикал -
 Обыкновенный мистик.

3.

Сорвал три лилии. Зачем? Да
 просто так.
 Порой мне кажется значительным
 пустяк.
 Через три дня цветы завянут на
 столе -
 Мой дом весь будет в светло-
 розовой золе,
 Как приснопамятный печальный
 какаду
 В академическом тринадцатом году,
 Когда Большого царскосельского
 пруда
 «Казалось мрамором недвижная
 вода»,
 Когда медлительность прогулочных
 шагов
 Была сродни размеру анненских
 стихов.
 Теперь немногому я в этой жизни
 рад.
 Истлевших лилий мне нескучен
 аромат.
 Есть что-то в нём от холода ночных
 дворцов
 И безмятежно тёплых в парках
 вечеров.
 От шаткой лестницы, взбегающей
 во тьму,
 И чувств, доверенных сожжённому
 письму.
 Есть что-то в нём от нетерпенья
 остряя,
 На бронзовом плече уснувшего
 копыя.

4.

Я, к сожалению, не «примерный
 царскосёл» —
 Скорее крашенных скамеек новосёл,
 Читаю бедной Расе (итл.) вслух
 александрин,
 Но от него лишь повышается
 адреналин
 У беломраморных классических
 скульптур.
 Люблю нервозность
 впечатлительных натур.
 Живу среди людей, но как-то в
 стороне.
 Какой-то светлый мальчик подошёл
 ко мне
 С охапкой листьев и рассыпал их у
 ног,
 Не предвещая мне какой-то эпилог,
 А просто это тихой жизни
 баловство,
 Людей и парка стародавнее родство.
 Хотя куда ни глянь — повсюду
 новодел,
 Но нет в нём к прошлому иммунных
 антител.
 И девушка с кувшином по-
 прежнему грустна
 О ней я буду думать, сидя у окна
 Вагона-ресторана за чаем в три
 рубля.
 Вдали чернеет огородами земля.

5.

Зачем путеводитель? Лучше наугад
 Открыть, как книгу, сонный
 регулярный сад,
 Случайно обрести любимую
 скамью,
 Но не войти мне в царскосельскую
 семью
 Холодных мраморов и бронзовых
 голов,
 Аллей барочных и готических дубов
 Ведь мой наследный титул -
 внутренний турист,
 Но «здесь над Тютчевым кружился
 ржавый лист».
 Теперь кружится надо мной пчела
 Большого смысла в этом нет, но мне
 мила
 Её забота о насущном тёплом дне.
 Но как с ней связаны прозренья на
 скамье?
 Я вижу мальчика, сидящего верхом
 На белом льве, заросшем
 изумрудным мхом.
 Но отрок спит, как в знойный
 полдень аквилон,
 А всё же светел тихий
 царскосельский сон.

«Помню жуткие, необыкновенные чувства, которые испытал однажды (в молодости), стоя в церкви Страстного монастыря возле сына Пушкина, не сводя глаз с его небольшой, лёгкой старческой фигуры в нарядной гусарской генеральской форме, с его белой курчавой головы, резко-белых, чрезвычайно худых рук с костлявыми, тонкими пальцами и длинными, острыми ногтями».

Эта зарисовка была написана И.А. Буниным уже в эмиграции и вошла в состав книги «Воспоминания», которая вышла в Париже в 1950 году.

Почему Бунин, будучи в эмиграции, вспомнил об этой, явно случайной встрече с А.А. Пушкиным, сыном поэта, которая произошла в ранней молодости? Что подтолкнуло его к описанию этого воспоминания молодости? И отчего именно с этой встречи он начал свои воспоминания?

Впрочем, начал Бунин свои воспоминания всё же не с Пушкина, а с Гоголя, о котором Ивану Алексеевичу рассказывал его гувернёр.

Однако непосредственную, личную связь с русской литературой Бунин начинает всё же с сына Пушкина — и следует далее за своими уже вполне пристрастными воспоминаниями.

Описывая свою встречу с А.А. Пушкиным, Бунин указывает, что произошла она в Страстном монастыре, в Москве. Видимо, эта встреча произошла во время воскресной литургии в церкви, ранним утром, во время молитвы.

Один — сын Пушкина, генерал. Второй — поэт и писатель. Оба — дворяне, представители старинных русских родов.

Бунин пишет о своей «загипнотизированности» образом А.А. Пушкина — чувства его при взгляде на генерала были «необыкновенными».

В монастырском храме произошло чудесное превращение — сын превратился в отца, А.С. Пушкина. Бунин тщательно описывает: небольшая и лёгкая фигура, белая курчавая голова, худые руки, тонкие пальцы, длинные острые ногти... Это характерные черты образа А.С. Пушкина. Только курчавая голова генерала была белой, то есть седой.

И.А. Бунину, с его тонкою, нервной восприимчивостью, увиделось (потому что он хотел это увидеть), что А.С. Пушкин стоит невдалеке и молится.

Однако «похожесть» А.А. Пушкина на своего отца, переход одного образа в другой — не только мистическое

Генерал от кавалерии

открытие Бунина.

Вот что писал неизвестный автор статьи «Пушкинские реликвии» в № 41 журнала «Нива» за 1913 год: «Лицо Александра Александровича поражает сходством с лицом отца — не только в общем типе, но и в отдельных чертах. Александру Александровичу теперь восемьдесят лет, а его отец скончался на тридцать восьмом году, несомненно, доживи поэт (а на это ему позволяло рассчитывать его прекрасное здоровье) до таких же преклонных лет, его старческий облик близко подходил к наружности Александра Александровича».

Действительно, А.А. Пушкин в преклонные лета походил на своего отца.

Марина Цветаева в своей книге «Мой Пушкин» описывает визит в дом её родителей «памятника Пушкину». Вот как это было: «Позвонили, и залой прошёл господин. Из гостиной, куда он пришёл, сразу вышла мать и мне, тихо: «Муся! Ты видела этого господина?» — «Да» — «Так это — сын Пушкина. Ты ведь знаешь памятник Пушкина? Так это его сын. Почётный опекун. Не уходи и не шуми, а когда пройдёт обратно — гляди. Он очень похож на отца. Ты ведь знаешь его отца?»

Маленькая Марина смиренно, как наказала ей мама, сидела и ждала, когда же перед ней пройдёт Сын Памятника Пушкина. Прошел он — и именно вдруг — но не один, а с отцом и с матерью, и я не знала, куда глядеть, и глядела на мать, но она, перехватив мой взгляд, гневно отшвырнула его на господина, и я успела увидеть, что у него на груди — звезда.

- Ну, Муся, видела сына Пушкина?
- Видела.
- Ну, какой же он?
- У него на груди — звезда.
- Звезда! Мало ли у кого на груди звезда! У тебя какой-то особенный дар смотреть не туда и не на то...

- Так смотри, Муся, запомни, — продолжал уже отец, — что ты нынче, четырёх лет от роду, видела сына Пушкина. Потом внукам своим будешь рассказывать».

Потом маленькая Марина рассказала про Сына Памятника Пушкину няне и нянинному внуку Ване, а няня при этом сказала о Сыне Памятника, что он «полный генерал»... «...в летах, вся борода седая, надвое расчесана. Ваше Превосходительство».

Девочка восприняла (и так это потом и осталось во взрослой Марине) Сына Памятника Пушкину как «священный предмет», а потом и понятие «сын» стёрлось, осталось лишь — «Памятник Пушкина», который и приходил в гости к Марине, которая позднее писала: «И чем старше я становилась, тем более это во мне, сознанием, укреплялось: сын Пушкина — что был сын Пушкина, был уже памятник. Двойной памятник его славе и его крови. Живой памятник».

Пушкин Цветаевой — детский, священный предмет, от обмолвки и скороговорки отца, мамы, няни. И явление няни — вполне пушкинское, сказочное, с её внуком Ваней и сказкой о сыне поэта.

Обаяние имени Пушкина и любовь к нему тесно связываются Цветаевой и с его детьми, и с его потомством.

Существует некая легенда, может

быть, даже сложная современниками генерала А.А. Пушкина, которые утверждали, что он, представляясь, шутливо говаривал: «Александр Александрович Пушкин — самое неудачное произведение Александра Сергеевича Пушкина».

Конечно же, это шутка.

Для нас А.А. Пушкин — памятник славе своего отца и крови своего рода.

Но что же мы знаем о А.А. Пушкине не только как о сыне поэта, а как о человеке, семьянине, как о военном и гражданском деятеле?

А.А. Пушкин родился 6 июля 1833 года. Он был вторым ребёнком поэта и его первым сыном, продолжателем рода. Для дворянина А.С. Пушкина последнее обстоятельство было очень важно. Надобно заметить, что А.А. Пушкин как раз и явился продолжателем рода — большинство нынешних потомков поэта — потомки его сына.

В честь кого был назван Александр Александрович Пушкин?

Скорее всего, что не в честь отца. Вероятно, в честь прапрадеда — несчастного Александра Петровича Пушкина, убившего из ревности свою жену. Есть версия, что Александр был назван своей бабушкой, Надеждой Осиповной Пушкиной, в честь её двоюродного брата — Александра Пушкина, из тамбовских дворян, мать которого происходила из рода Рахманиновых.

Крестили Сашу 20 июля 1833 года в Предтеченской церкви, построенной архитектором Ю.М. Фельтеном в 1776-1778 годах, что на Каменном острове, в Петербурге. Крестным отцом у него был П.В. Нашокин, друг поэта, крестной матерью — Е.И. Загряжская, тетушка Н.Н. Пушкиной.

Интересно, что этот храм был одно время капитульным храмом ордена святого Иоанна Иерусалимского, то есть храмом мальтийских рыцарей, отцов Пажеского корпуса. Пажом в дальнейшем станет А.А. Пушкин.

Начиная с 20 августа 1833 года и до конца дней своих поэт пишет о сыне в письмах.

Вот что написал А.С. Пушкин жене своей в письме из Петербурга, 20 и 22 апреля 1834 года:

«... Посмотрим, как-то наш Сашка будет ладить с порфирородным своим тёзкой; с моим тёзкой я не ладил. Не дай Бог ему идти по моим следам, писать стихи да ссориться с царями! В стихах он отца не перецегаляет, а плетью обуха не перешибёт».

В этих строчках есть и простота, и политическое озорство, и политическая горечь, и политическая мудрость.

С одной стороны, поэт пишет о своем сынишке Саше, беспокоится (немного наигранно, быть может), о его карьерном и человеческом будущем, думает, как будет «ладить» его Саша с другим Сашей — сыном Императора Николая Первого.

Поэт пишет, что со своим тёзкой — императором Александром Первым он не «ладил».

В этом отрывке Пушкин касается своей излюбленной темы, которую условно можно назвать «Водились Пушкины с царями». Он отчасти утверждает равенство родов Романовых

и Пушкиных, противопоставляя, ах нет, всё же не противопоставляя, а приравнивая императора Александра Первого к себе, царю русской поэзии, а наследника, Александра Николаевича, к своему сыну, Александру Александровичу. Вот такие интересные, хотя, конечно же, и весьма вольные, параллели.

Интересно, что поэт в этом отрывке «обходит» императора Николая Первого, указывая, что «не поладил» именно с Александром Первым, может быть, намекая, что всё таки «поладил» с императором Николаем Первым.

Поэт в своих письмах к супруге все время справляется о своем «рыжем Сашке». Например, в письме жене от 28 апреля 1834 года из Петербурга мы узнаем о его беспокойстве относительно поездки Наталии Николаевны, дочери «Машки» и сына «Сашки» в Москву; он признаётся, что сильно переживал за жену, дочь и сына: «Однако уж и мне становилось не по себе». Только после известия от жены, поведавшей мужу о том, что она благополучно добралась до Москвы, поэт успокоился: «Слава Богу! Ты приехала, ты и Маша здоровы...» Однако Сашка вызывает наибольшую обеспокоенность отца, так как поехал с матерью и сестрой больным. Пушкин пишет, что «...Сашке лучше, вероятно, он и совсем выздоровил». Поэт, несмотря на «заговаривание» самого себя относительно болезни Сашки, пишет: «Не от кормилицы ли он болен?», строя догадки относительно Сашкиной болезни. И, не зная наверное причины болезни сына, Пушкин делает жене распоряжение: «Вели её осмотреть, да отыми его от груди, пора».

В письме жене от 18 мая 1834 года из Петербурга поэт, поздравляя жену с «Машинным рождением», «цалуя» жену и дочь, желая последней «зубков и здоровья», того же желает и Саше, «хоть он не именинник».

В письме Наталии Николаевне от 26 мая 1834 года из Петербурга Пушкин вновь радуется Машинным зубкам, надеясь, что и «остальные прорежутся безопасно». И тут же — «теперь за Сашкою дело».

Рыжий Сашка был любимцем своего отца, который шутиливо «ходатайствовал» за него перед его матерью, Натальей Николаевной. Так, в письме от 14 июля 1834 года из Петербурга Пушкин пишет: «Мне кажется, что Сашка начинает тебе нравиться. Радуюсь: он не в пример милее Машки, с которой ты напляшешься».

Это замечали и окружающие члены семьи. Например, в письме матери поэта, Н.О. Пушкиной к своей дочери Ольге от 13 февраля 1835 года бабушка Сашки пишет, что «Сашка большой любимец отца». Бабушка писала дочери, что Сашка «хорошеет с часу на час...», что он «любимец папашы и всех его приятелей...».

Сама бабушка, её супруг, Сергей Львович и Наталья Николаевна «предпочитали» Машку.

Особенно трогают строчки из письма Сашиной бабушки, обращённые к её дочери, посвящённые нежному отношению поэта к своему старшему сыну и наследнику рода: «...Рыжим Сашей Александр очарован; говорит, что будет о нём всего более тосковать. Всегда присутствует, как маленького одевают, кладут в кроватку, убаюкивают, прислушивается к его дыханию; уходя, три раза его перекрестит, поцелует в лобик и долго стоит в детской, им любуясь».

Пушкин, как, наверное, многие отцы, рассказывал о своём Сашке родным и знакомым, передавал его чудные словечки, мимику, поведение. Например, в письме к П.В. Нащокину

от 27 мая 1836 года он пишет: «Вот тебе анекдот о моем Сашке. Ему запрещают (не знаю, зачем) просить, чего ему хочется. На днях говорит он своей тетке: Азя! Дай мне чаю: я просить не буду».

Заботило поэта и материальное будущее его детей, и, конечно, же, рыжего Сашки. В письме жене от 8 июля 1834 года из Петербурга Пушкин, переживая из-за многого (оскорблённой гордости, нужды в деньгах etc) пишет о Сашке и Машке, переживая за их финансовое будущее, уверяя себя и супругу в том, что они смогут оставить что-то своим детям: «мы Сашке и Машке постараемся оставить кусок хлеба. Не так ли?» В письме жене от 28-29 июня 1834 года из Петербурга Пушкин пишет: «Должно подумать о судьбе наших детей».

Саше шёл четвертый год, когда в января 1837 года его отец был убит бароном Дантесом на дуэли.

Нам известно, что поэт перед смертью простился со всеми своими детьми, в числе которых был и Саша.

После гибели мужа Наталия Николаевна осталась вдовой с четырьмя детьми на руках. Саша, как и его брат Григорий и сёстры Маша и Наташа, сначала воспитывался дома. У него были домашние учителя, которые обучали его французскому и немецкому языкам, русской истории, литературе, прочим наукам. Знакомый поэта, П.А. Плетнёв, советовал вдове стараться «разговорами и чтением» развить «мыслящую способность» Саши.

Для дальнейшего обучения в качестве «вольноприходящего» Сашу определили во Вторую Петербургскую гимназию, которая была основана в 1805 году по указу императора Александра Первого.

Директором гимназии в то время являлся Александр Филиппович Постельс, сын пастора из Дерпта, российский минералог, путешественник, участник экспедиции Литке, исследователь Камчатки и естествоиспытатель.

Вот что пишет об этом своём решении Наталия Николаевна своему брату, дворянину Дмитрию Николаевичу Гончарову: «... я решила отдать своих мальчиков экстернами в гимназию, то есть они будут жить дома и ходить туда только на занятия. Но Саша ещё недостаточно подготовлен к поступлению в третий класс... Поэтому я хочу заставить Сашу много заниматься в течение года, что мне остаётся, потому что он будет поступать в августе будущего года... я беру ему учителей, которые подготовят его к сдаче экзамена. Это будет тяжёлый год в отношении расходов, но в конце концов меня вознаградит убеждение, что это решение будет полезно моему ребёнку».

До нас дошло первое изображение Саши Пушкина образом 1841 года — это рисунок, достаточно известный, исполненный Н.И. Фризенгоф, где он изображён сидящим за столом (видимо, во время завтрака) вместе с сёстрами Машей и Натальей и братом Гришей Пушкиными. Этот рисунок сделан в Михайловском, в августе месяце, когда Наталия Николаевна приезжала туда с детьми.

1848 год явился судьбоносной вехой для пятнадцатилетнего Саши Пушкина, именно в этом году Государь Император Николай Первый лично повелел отдать его и брата его Григория на обучение в Пажеский корпус.

Император не оставлял своим попечением семью своего поэта. Уплатил его долги, определил сыновей в Пажеский корпус. Последний был военным образовательным учреждением, а государь, как известно, обожал всё военное. Братья Пушкины,

представители старинного дворянского рода, не должны были бы, по мнению царя, стать статскими чиновниками, или не служащими дворянами вовсе, они должны были стать офицерами Его Величества, офицерами Гвардии... Тем самым Государь, может быть, и сам не ведая того, исполнял пожелания покойного поэта, когда-то озабоченного будущим своих детей, в том числе карьерным... после Пажеского (конечно же, при условии хорошей учебы и благонаправленного поведения) успешное продвижение по службе им было вполне обеспечено.

И это было совсем неплохо. Пушкины издавна были военными. И Сергей Львович Пушкин, и Лев Александрович Пушкин, и Лев Сергеевич Пушкин являлись русскими офицерами; как известно, гусарским офицером мог стать и сам поэт, так что традиция была вполне соблюдена.

Лермонтов, который писал о «жалких» пажах, конечно же, был вполне искренен, являясь патриотом школы гвардейских подпрапорщиков и кавалерийских юнкеров, но, право же, явно несправедлив.

Пажеский корпус и пажи не были жалким явлением — это была гордость России. Это была настоящая рыцарская академия, прообразом которой служили западноевропейские рыцарские школы, недаром огромную роль в становлении и развитии корпуса и его традиций сыграли рыцари-монахи Мальтийского ордена, а их символ — восьмиконечный мальтийский крест навсегда стал эмблемой пажеского братства, пажеского ордена. Пажи всегда держались особняком, но вместе, и составляли единую сплочённую семью, в этом заведении дух корпоративности был развит очень сильно.

Пажами в прошлом были многие государственные и военные деятели России.

Из пажей выходили и в оппозицию и в революцию — выпускниками корпуса являлись Радищев, Пестель, князь Кропоткин...

История исключённого из корпуса пажа Евгения Баратынского тоже всем известна... он стал поэтом.

Корпус был аристократическим и привилегированным военно-придворным учебным заведением. Готовил он кадры для гвардии, двора, дипломатического корпуса. Поступить туда было непросто. Как писал в своих мемуарах «Пятьдесят лет в строю» генерал граф А.А. Игнатьев: «Для поступления в корпус требовался предварительный высочайший приказ о зачислении в пажи, что рассматривалось как большая честь, на которую имели право только сыновья генералов или внуки полных генералов — от инфантерии, кавалерии и артиллерии; редкие исключения из этого правила делались для детей старинных русских, польских или грузинских княжеских родов».

Высочайшая воля государя была выражена — братья Пушкины стали пажами...

(Продолжение в следующем номере).

Семён ЗОЛОТУХИН

1968 год, июнь, сквер областного центра

- Ты уж прости, Сеня, что от работы отвлекаю, но не смогла не повидаться, раз в городе оказалась. Как поживаешь? Как семья? - она взглянула на него и пригладила непослушную прядь.

Он заметил седину в волосах, забранных в неизменный пучок. В одно мгновение вдруг увидел её уже постаревшую, чем-то озабоченную, здесь, рядом с собой на лавочке в пыльном сквере.

Некоторое время назад по первому её зову помчался на встречу. Будто бы все двадцать лет он, не ведая ни дня, ни часа, бодрствуя, ждал от неё звонка.

Наконец, в тощей аллее показался знакомый силуэт, сначала размытый мутным городским воздухом, а потом, по мере приближения, всё более отчетливый. И вот она предстала ясно, осязаемо.

На фоне серо-зелёных кое-как остриженных деревьев она, в пёстром летнем шёлке, напомнила ему то время, когда женское платье среди однообразных шинелей и гимнастёрок казалось чем-то ветренным, манящим.

Много лет хранил он в памяти то унылое послевоенное утро, когда вдруг возникла она, тонкая, светлая. Воздух внезапно наполнился свежим ароматом недорогих духов, и бледное солнце засияло сквозь разорванные облака. Пятнадцатилетний мальчик, что мог он знать о женщине? Но в этой молодой, слегка сутулой, по-городскому одетой учительнице сосредоточилось для него всё тайное, женское. Было какое-то её сходство с портретом, висевшем в кабинете литературы. Когда-то репродукция картины из Третьяковской галереи украшала класс, а теперь пожелтевшая бумага съехала от времени и погоды, стекло треснуло, рамка почернела. Но его юный взгляд всегда притягивало уцелевшее изображение молодой женщины в старинном одеянии. Печальная полуулыбка, чуть склонённая голова, изгиб фигуры, тонкая рука, - весь облик являл собой хрупкую женственность, никогда им не виданную и непонятную.

Он наблюдал, как медленно обводит новая учительница взглядом холодный класс сельской школы, и боялся пошевелиться. Она смотрела на всех и ни на кого, так смотрят волнуясь, когда впервые оказываются в незнакомом людном месте.

Ему передалась её тревога, в какой-то момент их глаза встретились, теперь она смотрела только на него. И вдруг ему стало ужасно стыдно за свой старый, замызганный ватник, из которого он давно вырос.

1974 год, июнь, лесхоз «Дальний»

- Помню, в тот день он лежал и смотрел в потолок. И не мигал даже, я потом понял, это чтобы слёзы не переливались. Крёстная сказала, что умирает он от голода. Мы же все тогда голодали, бабушки наши какие-то похлёбки варили желудёвые, лепёшки липовые пекли. Ты помнишь? - обратился Николай к сидящему рядом брату.

Тот кивнул, выпустив в сторону табачный дым. Братья любили поговорить, а то и просто помолчать на брёвках у дома. С годами всё чаще вспоминали детство, выпавшее на тяжёлое время войны. И теперь, приехав погостить в отчий дом, устроились на привычном месте. В ленивом вечернем воздухе пахло сосной, разговор шёл неторопливо, вспоминали один памятный для семьи день тысяча девятьсот сорок седьмого года. Вот-вот

Варварин день

должен был подойти старший брат, как раз о нём и заговорил Николай.

- Я знал, что он плакал не от голода. Это был день его экзамена, последнего самого, переводного, а у него не было сил встать, чтобы до села дойти. Он ведь там, в школе, вечно пропадавал, к нам приставал с учёбой этой. И плакал он не от страха, что вот-вот умрёт, а что со своими пятёрками на второй год останется. Чудно. Умирает человек, а о смерти не думает.

1968 год, июнь, сквер областного центра

- Варвара Петровна, что-то случилось у вас. Расскажите, может смогу помочь.

- Да стыдно сказать... В общем, Сеня, сняли меня с директоров, да с позором сняли, - она вдруг с облегчением выдохнула. - Всё думала, как скажу тебе, своему любимому ученику, как отнесёшься к этой новости, а вот сказала и вижу, ты по-прежнему тот самый юноша «со взором горящим». Я сперва сомневалась очень, теперь к тебе только через секретаря можно обратиться. Вон какой ты важный, Арсений Егорович! В обкоме партии уже... Пока ждала, переживала — зря государственного человека от дел отрываю, нечего свои беды ему добавлять.

Видя, с каким вниманием он слушает, она торопливо, сбивчиво принялась рассказывать, словно боясь не успеть.

- Сама я виновата, понимаю, времена-то другие. Раньше ведь в школе было как в семье, где пожалеешь,

где прикрикнешь, Помнишь, школу нашу деревянную? Ветхая она совсем, на ремонт денег нет, а детям этого не объяснить. На переменах носятся, на перилах виснут. Только и успеваешь останавливать, учителя для безопасности дежурят по очереди, но ведь всегда найдётся пострел, за которым не уследишь.

- Несчастный случай?

- Слава Богу, нет. Мог произойти, но всё обошлось, к счастью, - она немного помолчала. - Мальчик один из седьмого класса отличился. Пол-то по всей школе не ахти какой, а рядом с учительской одна доска уж больно сильно прогнулась. На этой самой доске и застала я этого молодца за прыжками. Он ко мне спиной был, потому меня не увидел, сопит, старается по сильнее оттолкнуться. Только приготовилась его отругать, думала, напугается директора школы, а тут доска хрясть — ломается! Хорошо ещё успела мальчишку за шиворот поймать.

На последнем слове Варвара, переживая всё в который раз, невольно схватила рукой воздух, потом, откинувшись на спинку скамьи, закончила:

- Удержала-таки! Хорошо, мальчик щуплый, а то бы ноги переломал. И так я за него испугалась, Сеня, что сгоряча подзатыльник дала.

- Что, родители его пожаловались? - догадался Арсений. Варвара обречённо кивнула.

- Написали в район, копию в область, немедленно проверка. Решение

одно — уволить. Теперь берут простой учительницей в пригородную школу, и для меня это лучший вариант.

1974 год, июнь, лесхоз «Дальний»

- Всегда я с ним спорил, - включился в разговор о старшем брате смуглокожий Вася. Его белозубая улыбка мелькнула в темноте. - Вот он твердил всегда, что мол, надо обязательно на пятёрки учиться и в институт поступать, а я не соглашался. Конечно, тогда, в детстве, просто из вредности, а теперь... Вот доказательство: у меня только техникум, а специалист я, каких мало!

Он возбуждённо взъерошил волосы:

- День, когда брат умирал, я хорошо помню, и не только тот, весь сорок седьмой год не забуду. Брат от нас-то и в голод сильно отличался. Не мог он есть того, что мы, младшие, жевали. Володь, помнишь, как однажды он хлеб съел, на глину похожий, которым нас соседи угостили? Он же мучился потом, аж выл, так ему живот свело, а нам-то ничего. Картошкой одной и питался. Двенадцать штук на неделю брал и уходил в село учиться, тощак от этого. Вернётся и первым делом про нас спрашивает, маленькими нас считал. Я на это всегда злился.

Потом, понизив голос, добавил:

- Когда он лежал и плакал, я к нему подошёл и прошептал: хочешь, я пойду в институт поступать, ты только не умирай, пожалуйста!

1968 год, июнь, сквер областного центра

Глядя на неровные струйки фонтана с облупившейся кое-где плиткой, они молчали какое-то время, думая каждый о своём. Он отчаянно перебирал в уме все возможности помочь, использовать свои обкомовские связи, уже представлял, как будет сражаться за Варвару.

Она же, окончательно успокоившись, мыслями погрузилась в их далёкое прошлое. Вспомнила, как после института приехала в обнищавшее за войну село, как струсилась, увидев всех четырёх пожилых педагогов мужчин, двое из которых стояли на костылях. Ещё, как не могла решиться на свой первый урок, потому что больше всего ей хотелось убежать и плакать, плакать. Как пересилила себя и, войдя в девятый класс, поймала восхищённый взгляд художавшего мальчика в рваной телогрейке и сразу перестала волноваться, впервые ощутив себя учителем. А когда всего через полгода её назначили директором, он, Сеня, помог ей управляться с младшими классами. Сейчас, рядом со своим лучшим учеником, она по-прежнему взглянула на свою историю с увольнением, показавшуюся такой неважной и мелкой.

- Сеня, ты не суется, не пытайся хлопотать за меня. Раз такое случилось — так тому и быть, - вдруг сказала она и быстро накрыла его руку своей сухой, горячей ладонью. Он вздрогнул.

- Обещать ничего не буду, но всё разуюзнаю и дам знать, - фраза прозвучала казённо, он ругал себя за деревянный голос, за привычную сдержанность. Именно теперь ему хотелось прижать Варвару к себе, прикоснуться к милым волосам, защитить от всех бед. Вместо других, настоящих слов, он неестественно пошутил:

- Хотя должность моя скромная, но место работы говорящее.

А Варвара вдруг легко засмеялась, отчего стала моложе. Ласково, не переставая улыбаться, посмотрела на Арсения и поднялась.

- Спасибо Сеня, что выслушал,

откликнулся. Поеду, надо собираться на новое место.

1974 год, июнь, лесхоз «Дальний»

- Когда Сенька заплакал, я тоже не выдержал. Я решил, что он умрёт, и это конец, ведь мы всегда были неразлучными. По учёбе он меня тащил, а в тот голодный год мы особо сдружились. Короче, пошёл я сам плакать в сарай, чтоб никто не увидел, - сказал третий брат, Володя.

Не помню, сколько просидел там, вдруг шум, голоса какие-то. Выглянул, а это наша Варвара Петровна на телеге. Училка крикнула мне, чтоб шёл помогать. Снёс я с телеги два мешка, один с крупами, другой с банками, а она свёртки с едой. Вася, а ты бутылку с молоком тащил, помнишь? - ткнул он брата в плечо.

Помню, - буркнул Василий. - Только Варвару уже директором сделали.

- Да какая разница, всё равно училка. Зашла она в дом и к Сеньке с порога. Так, мол, и так, не волнуйся, педсовет поставил тебе оценку по итоговой за год. Перевели тебя без экзамена.

Помню эту картину, Варвара держит его за руку, улыбается, а у самой слёзы. Сенька наш на неё смотрит, молчит — онемел, значит, от радости.

- Вот я и говорю, Варвара — молодец! - Николай подвинулся, уступая место подошедшему Арсению. - Поддержала она тебя тогда, правда, Сень?

- Этого не забудешь, - подтвердил Арсений.

- Спасли нас училкины харчи, а там и мать через неделю с заработков вернулась, помните? - продолжал Володя. - А потом, когда уж Сенька поправился, мы с ним в лесхоз пошли за паёк работать.

- Ну, с Варвариного дня голодать, считай, и перестали, - откликнулся Василий. - Интересно, а где сейчас наша училка, жива, здорова?

Арсений промолчал про встречу с Варварой шесть лет назад. Не в его силах оказалось помочь — слишком поздно она к нему обратилась, «механизм уже сработал».

- Пять лет назад умерла Варвара. Сердечный приступ. Скорая опоздала. Я сам об этом узнал уже после похорон. Приехал в пригородный поселок, сюрприз сделать хотел, обрадовать, что вместо нашей старой деревянной школы будут кирпичную строить, а Варвары уже нет, - тихо сказал Арсений и посмотрел куда-то во тьму, все затаили дыхание, лес шумно засыпал.

Елена КОРУНОВА

“Денди не может быть вульгарным”

Светлана СОЛОВЬЕВА, доктор философских наук (Самара)

Культура городской прогулки имеет достаточно продолжительную историю. Еще в античности наибольшее участие в конструировании прогулки как особой практики городской жизни внесли известные древнегреческие философы. Уже Сократ превратил прогулку из праздного шатания по рынкам и площадям в практику организации диалога, спора, размышления.

Другой всплеск интереса к городским прогулкам и освоение этой культурной практики горожанами связан с XIX веком, когда появляется специфическая городская культурная практика фланирования, которая была тесно связана с феноменом денди и дендизма. Привычка к бесцельным прогулкам, — устойчивый атрибут жизни дендистской молодежи и парижской литературной элиты. Альфред де Мюссе, Теофиль Готье, Бодлер, Барбе д'Оревиля, Стендаль, Бальзак, Пьер Лоти прославились не только как писатели, но и как завзятые денди. «Денди не может быть вульгарным», — гласит известное изречение Бодлера. Ключевыми особенностями фланирования выступает театральность, медленный шаг, забота о своем внешнем виде, а также внимательное отношение к тому культурному пространству города и городской жизни, куда денди погружен.

Вот какое описание фланирующего денди дает Ш. Бодлер: «Денди пресыщен или притворяется таковым из соображений тактических или кастовых <...> Толпа — его стихия, также как воздух — стихия птиц, а вода — стихия рыб. Его страсть и призвание в том, чтобы слиться с толпой. Бескорыстно любознательный человек, ненасытный наблюдатель испытывает огромное наслаждение, смешиваясь и сживаясь с людской массой, с её суестью, движением, летучей изменчивостью и бесконечностью. Жить вне дома и при этом чувствовать себя дома повсюду, видеть мир, быть в самой его гуще и остаться от него скрытым — вот некоторые из радостей этих независимых, страстных и самобытных натур, которые наш язык бессилён исчерпывающе описать. Наблюдатель — это принц, повсюду сохраняющий инкогнито. Поклонник жизни делает весь мир своей семьёй <...> Тот, кто движим любовью к жизни мира, проникает в толпу, словно в исплинскую электрическую батарею». Прогулка фланёра исполнена в эстетике события, тут значимо то чувство прекрасного, которое мимолетно создаётся созерцанием фланёра, его близостью с миром города, его переживанием лёгкости и воздушности бытия.

Так что же кроется за культурой городской прогулки, есть ли у прогулки какое-то метафизическое наполнение,

и почему она привлекательна и желанна для любого жителя любого города? Если путешествия расширяют культурное сознание, то прогулка, как полагаю, основана на экзистенциальном опыте близости, поскольку делает предметы соразмерными человеку, его телу, его шагу, его физической силе. Если путешественник «проглатывает» расстояние, ориентируясь на остановку (неслучайно порядок путешествия выстраивается через топологию маршрута), то прогулка, напротив, акцентирована на переживании актуальности движения как смене картин, но не в форме клипового мелькания, а в эстетике размеренного восприятия, в динамике и скорости шага. Прогулка стремится к замедлению движения, что позволяет удерживать течение времени в умиротворяющем освоении пространства. Прогулка всегда человеко-размерна, и размерность прогулки самая что ни есть телесная, когда границей является взгляд, цепляющийся, обращенный на мир городских улиц, проспектов, садов и зданий, когда границей движения выступает возможность дойти.

В прогулке максимально выражает себя то, что можно было бы назвать эстетикой присутствия, но присутствия именно в смысле вещественности мира.

Прогулка дарственна, и природа этого дара состоит в том, что она создает состояние и настроение согласия с миром.

Метафизическое настроение, свойственное настоящей прогулке, создает у человека культурный навык видеть мир как близкое, уметь приблизить его, сделав не просто человеко-размерным, но близким и родным. Прогулка — это опыт приближения и с-ближения с миром, культурой, городом. В момент прогулки город всегда твой, он всегда дарит опыт близости с местом, опыт игры и лёгкости бытия.

Прогулка разрушает чуждость города, его уничтожающий шум, трансформируя его из хаоса громких звуков в «шум бытия». Неслучайно в смысловой гамме слова «прогулка» включен не только визуальный, но также и акустических эффект «гула».

В прогулке есть глубокий философский смысл, который связан с переживанием лёгкости бытия. Мы все привыкли к тяжеловесности метафизики, но прогулка располагает к другой философии, которая не столько игнорирует трагичность бытия, сколько замечает неповторимую лёгкость и очарование нашего существования в мире и культуре.

Случай на рыбалке, Или Первая радость большого улова

Виктор **ОСТРИКОВ**

Подойдя к берегу, не стал заходить в реку, чтобы даже легким всплеском не обнаружить себя. Осмотрелся, следов не заметил, значит, никто из рыбаков здесь не проходил, наверное, они сразу после разгрузки палаток, провианта и прочей поклажи ушли дальше по течению, полагая, что шум грузовика распугал в этой округе всю рыбу. Может, и хорошо, что ушли. Я почему-то был уверен, что мне обязательно повезёт с уловом в этом месте, а нет пойду пытаться счастье поближе к своим мужикам.

Размахнулся и забросил блесну подальше от берега. Вода прозрачная. Видно, как металлическая приманка подошла к плавающему бревну, я тут же выдернул её из толщи воды, боясь зацепы.

Я забрасывал и забрасывал блесну, чутьём выискивая места, где

может обитать крупная рыба, но всё безуспешно. В конце концов, решил: попробую ещё разик и шабаш.

Последняя проводка «сковороды», так называл блесну дядя Коля, показалась мне также пустой. И в момент, когда металлическая пустышка уже зависла над ленивой речной волной, из-за бревна выпрыгнула огромная рыбина и на лету заглотила приманку.

Я, признаться, оторопел от неожиданности. В каком-то оцепенении держал спиннинг в руках, а катушка, визжала и разматывалась.

Очнулся, когда натянутая леска дёрнулась так, что я чуть не выронил спиннинг. Попытался намотать леску на катушку, но тщетно: такое ощущение, что по дну реки трактор ходит.

Руки тряслись, я не знал, что делать. Может, закричать? Позвать на помощь ребят? Но было стыдно признаться в своем бессилии.

Развернулся и побежал от берега, таща за собой спиннинг. Вода у берега вспучилась, брызги разлетались в разные стороны, а вместе с ними водоросли, листья и ещё какой-то мусор.

И когда это чудовище оказалось на берегу, раззяв пасть, я выронил бамбуковую палку.

Я кричал или визжал, уже не помню, но, как дикарь ринулся к своей добыче. Здоровенная, толстая рыбина, зажав блесну, неистово била хвостом, пытаясь сползти обратно в воду.

Не раздумывая, я сел на неё верхом, мои руки скользили у грудных плавников, но моих сил не хватало, чтобы её удержать. В пылу борьбы не заметил, как ладони проскользнули в жабры и мои пальцы вышли из пасти с обратной стороны. Так я оказался в зубастом капкане.

Я заорал, что было сил. И тут прибежали мужики. Костя, как всегда первый. Он схватил сучок, валявшийся под деревом, и давай бить рыбину по голове, пытаясь её оглушить, но при этом он вбивал острые зубы рыбы, как сапожные гвозди, в мои ладони.

Дядя Коля и отшвырнул Костю. Мой спаситель вогнал сбоку пасти сук и таким рычагом наконец-то раскрыл пасть речному чудовищу.

Я оказался на свободе, но прыгал я не от радости, а от неистовой боли: вдобавок к прокусанным кистям рук, колючие жабры ободрали кожу запястий.

Бекен, оглядел раны и жёстко изрёк: «Расстёгивай ширинку и мочись на руки».

Возражать не было сил, я тут же исполнил его приказ, но боль только усилилась. Это как огонь тушить огнём.

«Ну-ну! Ничего. Сейчас всё пройдёт. Потерпи», - добавил дядя Коля, смеясь.

Вокруг суетился Константин и приговаривал: «Терпи, казак! Вон какого «крокодила» вытащил — крестовую. Всех обловил».

Только теперь я посмотрел на свой трофей. Огромная рыбёха! Мох на её голове лёг крестообразной складкой. Теперь она уже вяло и беззлобно раскрывала пасть, словно зевая перед сном.

Водитель принёс мешок и ребята помогли ему засунуть в него рыбу. Толстая, как поросёнок, она и на треть в него не вмещалась. Мощный хвост торчал, как совковая лопата.

«Ну ты и даёшь, Острик! Такую, честно говоря, я никогда не ловил», — выпалил Мухин.

Он поднял мою бамбуковую палку с блесной, которая была размером в ладонь.

- Ничего себе. И где ты её взял?
Я кивнул в сторону Бекена.

- А ты, старый водохлёб, из какого сундука вытащил эту железяку?

- Да он, — встрял, как всегда Константин — от «заказа» стабилизатор отпил. Теперь она, — и приседая заходясь в хохоте выкрикнул: - Бокон лётать будет!

Здесь уже все загалдели. Кто-то потащил мешок машине.

На треножнике в ведре закипала вода, бросили в него чай, добавили корень шиповника.

Мужики усадили меня на брезент и как «герою» налили в самую большую кружку терпкого, душистого чая. Бросили в неё четыре куска сахара. Константин, нарезав копчёную колбасу, которую я только по праздникам и ел, сделал большой бутерброд и подал мне.

- Ну как? Болит ещё? — тихо спросил Бекен.

- Немного. Пощипывает, — ответил я.

- Болеть будет дома, Матери расскажешь, а она сходит к медику, что живёт в соседнем доме. Она знает. А мы пойдём покидаем. Вечёрка скоро.

Я остался с водителем. Руки ныли, я не знал куда их девать, то прятал в карманы, то под мышки. Но при этом то и дело заглядывал под машину, где лежал мой «крокодил». Представлял, как мама обрадуется и скажет: «Мой кормилец!»

Вдруг по озёрам прокатились раскаты выстрелов. Это охотники вышли на вечерку. А я вот кружу возле машины. Нет, пойду погуляю и посмотрю, как ловит Бекен.

Не стал спускаться вниз, где росли кусты, а пошёл верхом овражка. Здесь была тропа, выбитая копытами коров. Запах сладкой солодки исходил от земли, что разогрелась за день. Внизу за полосой камыша кто-то рыбачил. Я крикнул: «Бекен!»

- Он дальше, — послышалось из камыша.

Продолжая оглядывать берег озера, я спустился в небольшую низину, заросшую осокой. В центре — узкой полоской пожелтевший камыш. Вправо овраг сужался и уходил в степь, а к озеру наоборот, расширялся, обрастая ивами и американским клёном. Пovyше на бугорке расположились серебристые тополя. Дальше к воде — широкая полоса осоки. Местами видна вода тёмно-коричневого цвета. Над осокой кружит малый орлан, подранков собирает. С той стороны в прогалине камыша, шлёпая крыльями по воде, промелькнули чёрные водоплавающие курицы-лысухи. По ним никто не стрелял, уток достаточно.

Шустрые. До самых морозов будут прятаться. А когда лёд тонким слоем покроет озеро, все водные пернатые — на

крыло. Лысухи — низом над камышом, степью, вдоль высохших озёр в низовья Урала к Каспию, на южные разливы. Я школьную карту смотрел. Столько там ручьёв, протоков, мне кажется, заблудиться можно. И так обдумывая, куда наши пернатые подадутся, и кто останется на зимовку, перешёл овраг с камышом в низине и поднялся на бугор. Где же рыбаки? По камышам что ли попрятались? Или удалились на дальние плёсы? И здесь заметил чуть ниже, в метрах тридцати кустарник шиповника. Бордовые, крупные плоды облепили ветки и согнули их. Спустившись и подойдя к колючему кусту, я стал аккуратно снимать ягоды — и в рот. Мясистые, сладкие с небольшой долей кислинки они обволакивали мой язык.

Насытившись, стал подниматься по склону. И там недалеко, около красивых топей, стояли рыбаки.

Подойдя, узнал Бекена в длинном плаще, рядом — дядя Коля и ещё пятеро из наших рыбаков. А вот за ними кто?

Один незнакомец среднего роста, в шапке, сдвинутой на затылок. Седые усы торчали как у бобра. Одет в тёплые, стёганные штаны, на ногах ботинки, за плечом ружьё, куртка опоясана патронташем. Он всё курил, улыбался и ничего не говорил.

Рядом с ним, ближе к рыбакам, стоял второй рыбак, он был ниже ростом. Шапка — ушанка, тёплые штаны, резиновые сапоги. Телогрейка опоясана патронташем, на котором свисали пять подстеленных уток. Он упирался на ствол ружья и что-то живо рассказывал моим мужикам.

Что-то знакомое было в седом охотнике, особенно когда щурил глаза и улыбался. На широких скулах появлялись морщины.

Присмотревшись внимательно, я вдруг понял, что второй охотник — женщина. Значит, мужчина в ботинках по берегу ходил, а его подруга — по краю камышей, в воде.

Через минуту меня осенило! Мужчина в ботинках — это тот человек, портрет которого я видел в газете, он автор «Донских рассказов»! Эту книгу я несколько раз перечитывал.

И здесь я совсем оробел. От волнения всё позабыл и никак не мог вспомнить его имени.

Компания тем временем продолжала беседовать. Усатый седой выпустив дымок, неторопливо говорил и, закончив, махнув рукой с трубкой, засмеялся, обостряя множество морщин на скулах. Женщина тоже что-то добавила и уже вся компания загоготала.

Попрощались и мои рыбаки повернулись ко мне, а парочка охотников пошла верхами в другую сторону. Там их поджидали двое. Видно, не хотели мешать разговорам и просто дожидались.

...Когда я начинаю работать над новой скульптурой, то у меня какое-то время поднимают кисти рук, воскрешая во мне боль и радость первого большого улова, а также память о встрече с человеком, чьё имя известно всему миру.

Елена ЛУКАНИНА

Петербургское

Влюбиться с первого дождя,
как с первого родного взгляда,
в его величие входя —
под купола и колоннады.
Нырни в парадных рукава —
на восхождении,
в проёме,
завечерееет голова,
мальчишка пробежит знакомый
в кольчуге звонкой на врага,
а следом —
дама в чернобурке.
Заговорённые века
живут, как духи, в Петербурге.
Дома достали из печи —
искусных форм,
в резном окладе,
и подворотен скрипачи
зовут вглубь сумрачных громадин.
Всё явно:
распахни глаза —
у зорких окон взгляд весталок,
на крышах — неба волоса,
высоколобье коммуналок —
в испарине,
и воздух сыр
в натуженном соседстве судеб.
Такие же —
война и мир —
под камнем.
Время не рассудит...
Блеснули рельсы.
Мерный стук
трамвая.
Тихие каналы,
как часовые на посту.
Что видели они, что знали?
И ты, прохожий до пещер,
над ними принимаешь голод.
Впадает сын,
впадает дочь,
как устья, в судьбоходный город.
Не будет суше и новей —
вода в ненастье настоялась.
Ветрами город на Неве
свящён.
Рукоположен в старость.
К какому краю ни причаль —
висит его отцовья хмурость,
лежит мощёная печаль,
встаёт воздвигнутая мудрость.

Воскресенье в Оренбурге

Сергей КОЧУКОВ

Мы уже делились с читателем результатами исследований переселения крестьян Тамбовщины и их участия в освоении южноуральского региона. Сообщали о том, как много населённых пунктов в Оренбургской области, основанных тамбовскими переселенцами, как много здесь фамилий, идентичных тамбовским — Бучневые и Каревы, Муравьёвы и Кожевниковы, Пчелинцевы и Черемисины, Маленковы и многие другие, как особенности характерного южнорусского, «тамбовского» говора проявляются в речи жителей Бузулуцкого и Сорочинского, Переволоцкого и Тоцкого, Курманаевского и других районов Оренбуржья.

Историческая схожесть наших регионов ещё и в том, что заселялись и осваивались они как форпосты государства Российского на его южных и восточных рубежах. Общие исторические и родственные корни дают основания надеяться и на развитие нынешних научных, культурных связей. Одним из тех людей, кто стремится к сближению региональных литератур, культуры, краеведения является известная оренбургская поэтесса, член Союза писателей, Союза журналистов России, главный редактор литературно-художественного и общественно-политического журнала «Гостинный двор» Наталья Кожевникова.

Наталья Юрьевна родилась в Бузулуке, и её семья, по-видимому, принадлежит к потомкам тамбовских переселенцев. Она закончила Оренбургский государственный педагогический институт, где одним из её преподавателей был ныне известный в Тамбове учёный-лингвист Руделёв. Работала сотрудником, затем главным хранителем Бузулуцкого краеведческого музея, с 1993 г. — в журналистике, собкор, а затем зам. главного редактора областной газеты «Южный Урал». Первая поэтическая подборка появилась в 1986 г., её стихи печатались в журналах «Москва», «Подъём», она автор четырех поэтических сборников, лауреат всероссийских и региональных литературных премий Н.Ю. Кожевникова награждена Почётной грамотой Министерства культуры и массовых коммуникаций РФ и Российского профсоюза работников культуры (2006) за большой вклад в развитие культуры; Почётной грамотой правления Союза писателей России за активную творческую и организационную работу в современной литературе (2010); Почётной грамотой Законодательного Собрания Оренбургской области (2007), рядом областных журналистских премий. Живёт в Оренбурге.

Предлагаем тамбовскому читателю небольшую подборку стихов Натальи Юрьевны.

Наталья КОЖЕВНИКОВА

Прогулка

Вниз, вниз, с небес по переулку,
Пропахшим солнечным туманом,

Где нашу летнюю прогулку,
Смесь, не назовут романом.
Туда, где в чаще из крушины,
Из розового полусвета
Живёт предчувствием вершины
Анапест Бунина и Фета.
Где вылупится из печали,
Как из яйца, цыплёнок счастья.
Да что же птицы замолчали?
Ты молча сжал моё запястье.
И солнце на кленовой ветке
Повисло праздной паутиной
Над шмелем в палевой розетке,
Над всей июльской куртиной.
Как долго этот миг продлится —
И свет, и тень, и зной палящий?
Позволь мне плакать и молиться,
Привыкнуть к радости кричащей,
К оборкам, бантикам и рюшам
Не наспех скроенного платья.
А после ливень всё обрушит,
Сомнёт и кинет нас в объятья!

Воскресенье в Оренбурге

От Северной Пальмиры с небом
ртутным
отличен разноцветным солнцем утром,
где львы на каменных ступенях,
забытые, по очереди спят;
а ночью сходят вниз воды напиться
к реке, наказанной царицей,
где ивы замерли стыдливо,
подолы опустив свои до пят;
с ухмылкой Пугачёв таит дубину
и Азии показывает спину
чугунный Лётчик, сам ещё не зная,
что рядом подрастёт летун другой,
невиданной космической закваски,
и смотрит на прохожих без опаски
олень сарматский с мордой золотой;
в кофейнях мало мест, ты растворился,
как в чашке, раздвоился, разстроился
воскресным утром в солнце
разноцветном,
в фонтанных брызгах, в аромате роз.
Плывёт Пегас над Домом у поэтов,
Пойди, поймай, сегодня нет запретов
на слог любовный, мотыльки созвучий,
и что ни скажешь, будет не всерьёз...

* * *

Степь вокруг — как море в непогоду:
Ветра шум в ушах, волнение диких трав.
Жаждали акыны здесь свободу,
Брёл Чингис, смятение познав.

Где они, бродячие ватажки
Первых казаков? Метель и зной,
Вой волков вблизи улусов, бражки
Терпкий вкус, свист сабель за спиной?

И пока воинственные ханы
Уводили женщин их в полон,
Степь сама залечивала раны —
Поле битв среди ковыльных волн.

В Диком Поле ни следа от брани,
Ни могил — одна лишь пыль Времени.
Некому платить сегодня дани
Или воевать имперский трон.

Я смотрю на грозные вспышки
На границах родины моей.
Кое-где ещё маячат вышки
Нехотя закрытых лагерей.

Боль тысячелетий словно мета
Ощутима с неба до низин.
И поёт протяжно с минарета
Невидимый глазу муэдзин...

Александр ПАУТКИН

Музыкант, заслуженный артист России. Автор пяти сборников эссе и афоризмов. Главные темы А. Пауткина - искусство, любовь, политика и нравственность. Родился в 1951 году в г. Алатырь Чувашской АССР. Обучался в специальной музыкальной школе-десятилетке при Казанской государственной консерватории. После окончания консерватории работал в симфоническом оркестре Татарской гос. филармонии под руководством выдающегося дирижёра XX века Натана Рахлина. С 1985 года проживает в г. Тамбове. Концертмейстер Тамбовского симфонического оркестра.

Афоризмы

***

Пригубив Пригова, говорю: изуверский высококлассный юмор многознающего, но ни во что не верящего поэта. Большеротый юрод, скоморох, абсурдист. Кажется, будто из компашки Передонова он удрал в современную словесность, прихватив с собой недотыкомкино племя. Весёлый изувер, Пригов обрабатывает в духе гиньоля то, что осталось от прежней советской жизни. Он делает совку трагикомические гримасы, поёт триллероподобные стихи-песенки о нём, родимом, о его думах и снах. Он гротескует триллерописьмом. Как чёрный духовник изгоняет беса из прихожанки, так Пригов с невинным озорством изгоняет из нас совка. Неужто он верит в Россию? Не думаю, скорее он её понимает (тут я не с Тютчевым). Чувствует даже, хотя вряд ли любит. Пригов изгоняет совка суггестивной мощью поэтического слова. Читая его стихи, делаю вынужденные паузы, надо же просмеяться. А смеюсь до упаду. Вместе со смехом и Он выходит, Совок выходит.

***

Ницшевский «Антихрист», как известно, имеет подзаголовок «Проклятие христианству». Подобно ему, «Архипелаг Гулаг» Солженицына мог бы иметь подзаголовок «Проклятие коммунизму». Эти две книги написаны кровью и желчью. В состоянии перманентного, но не всегда праведного гнева.

***

Есть верующие, и есть верящие в спасительную силу искусства ценители классики. Они точно так же оскорблены, негодуют, хотя и менее яростно, чем воцерковлённый люд, когда сталкиваются с надругательством над своим божеством - классикой, будь то скандальный спектакль, претендующий на новизну прочтения, или музыка душеугнетающего свойства, после которой хочется умыть лицо простым до мажором.

***

Дитя страны советов, я брошен в мир иномарок с крысиными мордами и вылезавших из них недобритых бруталов, громогласно матерящихся в мобилники. В толпу гогочущих молодчиков, агрессор внутри которых

может проснуться в любой момент, чтобы крушить всё окрест, пока не устанет. Я брошен в мир оголтелой купли-продажи, в мир неутраченной русофобии внутри страны и за её пределами. Со всех сторон меня окружают бегемоты - супер и гипермаркеты, с их однообразным изобилием товаров. О, как ты прав, мудрейший грек, сказавший: «Сколько на свете вещей, без которых можно прожить!»

***

Дирижируя оркестром, я живу внутри любимых - Моцарта, Чайковского, Дворжака. С помощью мостов-модуляций проникаю в тональности, соответствующие Прошлому и Будущему. Прохожу через конфликтную зону разработки и оказываюсь в Столице Кульминаций. Сверканье, звон, пальба из всех орудий сразу. Ударная группа оркестра раскалена. Но вот шумная радость уступила место самому дорогому, что получаю, находясь в пространстве музыки. Это сладкий сумрак влюблённости (стихоформула Блока), исходящий от Andante ранних моцартовских симфоний. Их сновидческая аура чревата побочным действием в виде страха перед реальностью, желания вновь и вновь эмигрировать в мир музыкальных образов.

***

Главное в гастроях — способность продлевать творческую жизнь артиста. Благодаря им острее чувствуешь смысл своей работы, её благородное предназначение, которое и в XXI веке состоит в умиротворении людских сердец, занятых враждой к себе подобным. Гастроли — это возможность хоть на миг вырваться из отупляющих объятий рутины, из бестолковости повседневного существования. Гастроли — не просто концертная поездка, более или менее продолжительная. Это ещё и состояние души: предвкушение сильных впечатлений, неожиданных встреч с призраком несбывшегося, о котором возвышенно писал Александр Грин.

***

Бетховен был явлением левизны в музыке. В XX веке трагическая судьба левой идеи с потрясающей силой передана в симфониях Д. Шостаковича. Оба композитора обманулись в своих ожиданиях. Бетховен, надеясь увидеть в Наполеоне поборника всемирного

братства, заметил вдруг холодные глаза завоевателя и отшатнулся от бывшего кумира. То же случилось с Шостаковичем, когда он, распахнув душу ветрам революции, очень скоро убедился, что это холод смерти. В симфонических произведениях Бетховена, пусть иногда и в ореоле грусти, всё-таки слышна надежда на то, что всемирное братство не за горами. У Шостаковича преобладает мучительная боль за преданную Сталиным идею народовластия.

***

Какое чудо — поэзия Бориса Пастернака и как затрапезен на её фоне роман «Доктор Живаго»! Рыхлый по форме, наивный по содержанию. Что-то вроде писем двух любовников восемнадцатого века, живущих в городке у подножья Альп.

Довольно пресная личность этот Юрий Живаго — интеллигент, которого однажды прорвало, и он бросил в сердцах: «Ах, подите вы! Зачем мне всё знать и за всё распинаться? Время не считается со мной и навязывает мне что хочет. Позвольте и мне игнорировать факты». Но факты таковы, что игнорировать их опасно, и главные герои бегут от демона революции вглубь России, где предаются хозяйственным заботам, а по вечерам размышляют вслух о событиях бурно текущей политики. По-моему, реакция набоковских героев «Адмиралтейской иглы» куда более адекватна. Они выдерживают по отношению к революции позу высокомерной дистанцированности. «Мы с Катей были слишком поглощены друг другом, чтобы засматриваться на революцию». Тут дыхание правды. Влюблённые всегда аполитичны. Это им к лицу. А Лара и Юрий? Не отводя глаз от революции, они немалый кусок любви отламывают от себя и отдают ей. Довлеет воспоминание об очарованности демоном, которого они приняли за Бога. В «Докторе Живаго» Пастернак рискнул, наконец, отойти от вынужденной привычки выражаться обиняками, прибегать к историческим параллелям в размышлениях о постреволюционной России. Но что-то стряслось в процессе работы: то ли замысел перерел, то ли правда о советской стране и поэтическое сознание автора не узнали друг друга... И родился роман, где многие вещи названы своими именами, роман с двумя — тремя вспышками пастернаковского гения (сцена гибели Гинца, гибель самого Живаго, мысли о закономерности прихода Христа в мир) плюс органичные аккорды, завершающих книгу стихов.

До нобелевской премии — официально полупризнанный, после её присуждения и скандала с «Доктором Живаго» — полузапрещённый, Пастернак удостоился юбилейных торжеств спустя 30 лет после смерти, за год до падения Советского Союза.

Всю жизнь я быть хотел как все,
Но век в своей красе
Сильнее моего нитья
И хочет быть как я.

Стремясь быть как все, он порой балансировал на грани отказа от гуманистических традиций русской литературы, но не переходил за черту, не ударялся в аутомазохизм, вирусы которого носились в атмосфере сталинщины. Вспомним страшное признание Мандельштама из оды Сталину: «Я у него учусь не знать к себе пощады». Пастернак, к счастью, был ограждён богатейшей внутренней культурой от опасности изуверского самоедства. Идя на уступки железному веку, в главном остался верен себе,

не менял вкусов и предпочтений. Но быть хотел как все. Интеллигентский синдром? Толстовская идея опрощения в новых условиях? Смысл первой строки находим вне поэмы, в очерке «Лили Харазова»: «Под посредственностью обычно понимают людей рядовых и обыкновенных. Между тем обыкновенность есть живое качество, идущее изнутри, и во многом, как это ни странно, отдалённо подобное дарованию. Всего обыкновеннее люди гениальные, которым сверхчеловечество кажется нормальной нравственной мерой, суточным радиомом существования. И ещё обыкновеннее, неопишимо, захватывающе обыкновенна природа. Необыкновенна только посредственность, то есть та категория людей, которую издавна составляет так называемый «интересный человек». С древнейших времён он гнушался рядовым делом и паразитировал на гениальности, которую неизменно извращал, не только переворачивая её прямые учения, но и её собственные средства, потому что всегда понимал её как какую-то лестную исключительность, между тем как гениальность есть предельная и порывистая, воодушевленная своей собственной бесконечностью правильность. В особенности повезло посредственности в наши времена, когда романтику, анархизм и нищестанство она подхватила как роспись вольностей, дарованных её бесплодию». Пастернак по известным причинам, не упоминает о подхвативших марксизм, но он их подразумевает. Быть как все — значит жить без позёрства, без демонстрации своего превосходства, реального или мнимого. Не быть как все, напротив, есть импульс посредственности, выстраивающей себе карьеру на игре в гениальность. И так, поэт хочет быть как все. Но век в своей красе хочет быть как он, то есть, жаждет индивидуальности, неповторимости, величия, наконец. А так, как, согласно парадоксальной мысли Пастернака, выделяться из окружения любит именно посредственность, то век, по существу, зауряден. Он - век-паразит, век-ничтожество, «перевернутое прямые учения гения», марксизм, в том числе. Цель века сего — уничтожение носителей таланта, тех, кто всю жизнь хотел быть как все. Подозреваю, что в цитированных выше строках из поэмы «Высокая болезнь», Пастернаком зашифровано подлинное его отношение к времени, в котором он жил. А ключ к шифру находится в тексте очерка. Не удержусь, приведу ещё отрывок из «Ответа на анкету Вечерней Москвы». Он до конца прояснит смысл хрестоматийного четверостишья: «Добровольно или против воли все мы ещё толпимся перед зрелищем времени, которое никак не может привыкнуть к мысли, что вслед за войной оно вошло в историю. Подобно войне, оно хочет быть больше и громче людей и, отрывая нас от нашей жизни, в которой только и может быть его правда, всё ещё не может уходить, размываясь в каждодневных самовозвеличениях».

Для советских вождей и подконтрольных им литчиновников, Пастернак всегда оставался чужаком. Ещё бы! Ведь это был человек, насквозь пропитанный европейской культурой, поэт гётевской породы.

***

Опасное существо — человек без комплексов.

***

Россия произвела на свет очередное чудо — евросовок.

***

А вы могли бы обойтись без сплетен,

без этого этюда, на котором испокон веков разыгрывается человеческое любопытство?

***

Молодой самодур старого затмит.

***

Умные люди все куда-то попрятались. На виду тёмные дураки да беспросветные умники.

***

Едкий нервический тенор.

***

Я обчищен вдохновением. Это вор особого рода: после встреч с ним испытываешь блаженное опустошение, как после ночи с любимой женщиной.

***

Сколь многие темы потеряли заманчивость от того, что их перестали замалчивать!

***

Цитирующие прячутся за цитируемых.

***

Хитрость заключается не столько в умении избегать трудностей, сколько в умении из них выпутываться.

***

Вдвойне привлекательна душевная чистота, когда она просвечивает сквозь покров порока.

***

Большинство споров представляют собой всего лишь суетливую смену мнений, приговоров, сенсаций и сентенций, любимая из которых — «о вкусах не спорят».

***

Деятельные и бездеятельные болтуны равно невыносимы.

***

Все так помешаны на финансах, что даже имя существительное «человек» произносят как... «чек».

***

Их преданность хозяину начинается уже с интонаций, взятых у его голоса.

***

Утопия — это мечта, притворившаяся учением.

***

На дорогах орудуют бандиты, в театрах — режиссёры.

***

Я скорее вытерплю необразованного человека с нравственным чутьём, чем образованного, но нравственно глухого.

***

Если еврейская тема исчезнет из разговоров, мир остановится в своём развитии.

***

Не так страшен ученик, как его родитель.

***

Слава — это когда о вас знают больше положенного.

***

Искусство должно смягчать нравы, а не размягчать их.

***

Каждому самодуру хочется, чтобы его называли противоречивой личностью.

Татьяна БЕРДИЧЕВСКАЯ

Заслуженной артистке России
Татьяне Николаеве

Привезите с собою хоть чуточку Питера.
Вы из тех, кто умеет с собою привезти
Этот воздух, как плащ одинокого шкипера,
Для которого жить — значит только грести...
Зимний Питер... Он спит, как и всё неземное:
Спят под снегом каналы, как память веков.
Вы в глазах голубых привезите с собою
Зимней питерской сказки и питерских снов
И его площадей хоть немного величия —
Тот немислимый столп,
возведённый горбом
Государства мужицкого, ибо обличье
Принимал исполина под нашим гербом,
Привезите Чайковского и вернисажей,
Дух культуры, скопившийся в лоне его...
Не пришлось побывать мне в стенах Эрмитажа, -
Привезите как чудо пылинку с него.
Наплещите в меня, напоите, напоите
Этих дней невозможность и радости стать...
Я почти не дышу, будто на эшафоте,
Будто нечего и в оправданье сказать.

15 января 2017 г.

***

Елена ЛУКАНКИНА

Кололо солнце, как веретено,
мороз колод небесные кристаллы.
Клубило чьё-то дальнее окно,
и запах сдобы, разливаясь, таял.
А занавеска билась на ветру,
в окно бросалась и рвалась обратно.
И к белому хрустящему костру
во двор сбегались дети из парадных.
Они смотрели — как горит зима,
и поднимали радостные лица.
Теплом дышали старые дома.
Едва пушились инеем ресницы.
Засыпало скамейки до краёв,
белым-бело — ни острова, ни мыса,
и варежки из топких рукавов
повисли неуклюжим коромыслом.
А занавеска билась из окна
от никому не ведомой печали.
Всходила в небе красная луна,
а дети снег в живое превращали.
...Старушка руки комкала во сне,
и память обдавало жаром белым —
как в Ленинграде выпал первый снег —
последний снег,
последний —
сорок первый.

Максим ЗАМШЕВ

***

Бессонница. Гомер. И ничего не надо.
Но снится Мандельштам у жизни на краю.
Как хочется его мне вытащить из ада.
Но невозможно... Он и так уже в раю.
А где тогда Гомер? Вопрос, конечно, спорный,
Ведь рай тогда ещё не выполз из легенд.
Ну так и что с того? Долой характер вздорный!
Бессонница. Гомер. И скорый хеппи-энд.
Листва грозит упасть. В окне застыло что-то,
Похожее на ночь, лишившуюся сил.
Что корабли считать, когда им нету счета?
Как нету счета тем, кого недолюбил.
Проси портного сшить такой пиджак, что роста
Хватило для всего. И даже для небес.
Бессонница. Гомер. О как же это просто!
Есть золото строки, которой нет цены.

***

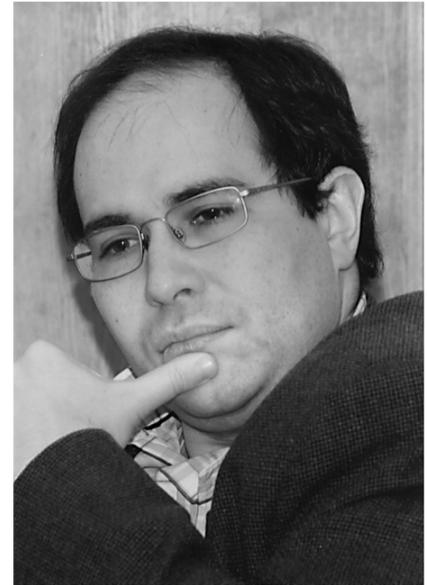
Петербург наступает, как интеллигентное войско,
Чтобы пленные знали, что их отпускают обратно.
Я иду по Фонтанке, а ты понимаешь превратно
Каждый шаг мой усталый. Ну что? Невтерпеж, так завой же,
Чтоб смешаться с гудками заводов, которых не слышно,
Чтобы слиться с трамвайным безумием прошлого века,
Может, даже получится снова найти человека,
Но я спрячусь в четвертом дворе. Извини. Так уж вышло.
Если смерть не заметна, то мы ее не замечаем,
Говорим о покинувших нас как о тех, кто остались,
Словно вот они только что с нами о чем-то шептались,
А теперь пробавляются где-то ватрушкой и чаем.

Петербург наступает на пятки тому, кто не хочет
Навсегда уходить, но бредет по привычке куда-то.
Кто гордится бессмыслицей рифм, тот запутает даты.
Петербург — это память моя, что отныне короче.

А Нева, как одна поэтесса, опять подражает
Неизвестно кому, в зеркалах небосвода красуясь.
Мы не встретили Бога, зачем поминать его все,
Нам осталось увидеть одно: чья карета въезжает
На Дворцовую площадь и кто ею правит проворно.
Петербург отступает, как интеллигентное войско...

***

На Литейном голуби подобрили,
К воробьям немножечко подостыли.
А в цирюльнях морщатся брадобреи,

Так чужие волосы им постыли.
Жизнь моя всё крутится, как монетка,
Не всегда здесь ровные мостовые,
Дунешь, и покатится прямо в Невский,
А на Невском дяденьки ходят злые.
Как пластинка, молодость заедает,
Слишком тонким выдалось то свеченье,
Водку кислой горечью заедает
Друг мой, не поверивший в воскресенье.
На Литейном голуби те ли, те ли?
Что с руки кормила ты так беспечно.
Улетели, милые, улетели,
Счастье, как поэзия, быстротечно.
Дедушки и бабушки на скамеечках
Ждут, чтоб наше прошлое им вернули.
Безнадежность спуталась с бесконечностью...
На Литейном голуби... гули-гули...

ИЗ БИОГРАФИИ

Максим Адольфович Замшев (родился в 1972 г. в Москве)
Поэт, главный редактор «Литературной газеты», главный редактор журнала «Российский колокол», Первый секретарь Московского городского отделения Союза писателей России, член Союза журналистов России, сопредседатель международного правления Интернационального Союза писателей.
Окончил с отличием музыкальное училище им. Гнесиных и Литературный институт им. А.М. Горького.
Автор нескольких сборников стихов и прозы. Стихи переведены на французский, сербский, болгарский, турецкий, испанский и непальский языки. Публицист, литературный критик, переводчик с румынского и сербского языков. Член-корреспондент Петровской академии наук и искусств.

Олег АЛЕШИН

В городе, где я родился и вырос, меня уже ничто не удерживало, кроме могил родителей, за которыми надо было ухаживать, но, в конце концов, кто мешает иногда наведываться в самое бесприютное место на Руси, где каждый крест огорожен нелепыми проржавевшими оградами? Почему у русского человека даже после смерти есть какое-то странное желание отгородиться от всех?

Так вот, после неутешительных раздумий всё же решил продать дом и уехать отсюда навсегда. Но прежде нужно было неспешно разобрать архив отца и подумать, что делать с его наследием.

Я никогда не считал, сколько точно портретов, пейзажей и натюрмортов написал отец, но в доме хранилось не менее трёхсот его работ. Небольшая часть из них была развешена на стенах, большинство же полотен хранилось в чулане, на антресолях, летней веранде, переделанной под подсобку, словом, где придётся.

Не припомню, но, кажется, лет пятнадцать не делал никакой ревизии, а тут представился случай.

Отец никогда не был диссидентом, открыто не говорил о своих взглядах, более того, хотел как-то соответствовать историческому ландшафту, поэтому писал портреты героев войны, чумазных пахарей.

Но простой тракторист на его картинах превращался в Гуинплена с нечеловеческой улыбкой, доярки из передового колхоза «Путь Ильича» напоминали полногрудых красавиц эпохи Возрождения, герой войны, штурмовавший Берлин, был чем-то похож на жеманного любовника времён рококо.

Но сегодня в чулане нашёл три портрета, которые, как мне показалось, были написаны не рукой отца, а каким-то другим мастером, хотя в нижнем правом углу картин была его характерная подпись в виде средневековой лилии. Почему раньше я не видел эти полотна? Может быть, отец прятал их? Но зачем?

В них было много воздуха, насыщены какой-то светлой импрессионистической стихией, рисунок был выверен, но при этом краски дробились на полтона, рикшетом заполняя всё пространство картины.

На полотнах изображена одна и та же молодая женщина. На одном она в простеньком цветастом платке, повязанном на манер тамбовской крестьянки. На другом — угадывается образ мятежной сицилийки. Но вот третий, как мне показалось, был наиболее удачный: отец, увлечённо и нервно когтивший когда-то тонкой кисточкой холст, всё же сумел ухватить что-то важное во взгляде молодой женщины с аристократической осанкой.

Я сразу понял, что он любил её.

Интрижку между моделью и художником, принято считать, делом если не обыденным, то вполне закономерным. Но настоящий художник никогда не опустится до пошлости, тем более в отношениях с женщинами. Зачастую полутон отделяет фальшь от подлинного чувства, тонкий мастер годами шлифует вкус, он просто не имеет право на пошлость, которая способна, как случайная женщина в мастерской, проходя мимо, легонько задеть руку

Немка

художника, но этого будет достаточно, чтобы промахнуться: удар кисти будет неточным, точнее, фальшивым. Но на этих портретах лежал незамутнённый взгляд мастера.

Но мне не давало покоя это «что-то»...

Сколько же отец оставил после себя тайн?

Но стоит ли мне влезать в его прошедшую жизнь? Имею ли я на это право? В конце концов, станет мне легче, если узнаю ещё об одном эпизоде его жизни? Не думаю. Теперь всё это бессмысленно...

Я уложил портреты в ящик и заколотил его. Но через два дня гвоздодёром вскрыл крышку и вновь перед собой выставил три портрета.

«Жила без ласки, без привета — так, видно, было суждено...» — как две субмарины, откуда-то всплыли в памяти две немного наивные строки немецкого поэта Рильке. Отец любил его стихи, часто читал вслух, поэтому невольно и запомнил их.

«Немка,» — вслух выдохнул это слово.

Наконец-то вспомнил эту молодую женщину, которая приходила несколько раз в наш дом, позировать отцу. Мама её почему-то называла Немкой. Конечно, настоящего имени я не запомнил. Она была старше меня лет на пять — не больше.

Почему-то мне захотелось её разыскать...

Увы, романтического детектива не получилось. Наш городок настолько мал, что через знакомых довольно быстро разузнал, где живёт Немка.

Но как-то за эти дни я перегорел и решил не ворошить в людях прошлое, тем более, меня об этом никто не просил.

Возможно, на меня повлиял рассказ приятеля отца: «Её мать в войну угнали немцы в Германию на работы. Там, от какого фрица она забеременела, вернулась уже с дочкой на руках. Только перебралась из Отожки в наш город, чтобы, знаешь, без пересудов, но народ у нас ушлый...»

Всё бы постепенно забылось, но вчера я увидел Немку на улице, она куда-то шла с набитой продуктами сумкой.

Не знаю зачем, но я догнал её. Одетая она очень просто, но как-то изящно.

- Добрый вечер, - неуверенно поприветствовал её.

Она остановилась и строго посмотрела на меня. Её голубые глаза казались почти прозрачными, как на третьем портрете.

- Вы кажется, сын Виктора Антоновича?

- Да. Увидел вот вас, решил помочь с сумками.

- Спасибо.

- А вы помните, как приходили к нам в дом позировать отцу?

- Конечно.

Я нес её дерматиновую сумку, но не знал, как продолжить разговор.

- Вы, наверное, о чём-то меня хотели спросить, — пытаюсь разрушить невнятную паузу, сказала Немка.

- Вы любите моего отца?

- Мне не очень хотелось бы говорить на эту тему, простите.

Мне ничего не оставалось, как оставить её в покое.

Дома я поставил перед собой портрет Немки, пытаюсь осмыслить сегодняшнюю встречу...

Да, конечно, Немка изменилась, но она сумела войти в возраст взрослой женщины с прямой спиной, что нынче редкость.

Примерно через неделю в почтовом ящике я обнаружил письмо.

«Андрей, хорошо, что встретила вас тогда на улице. Получилось как-то неловко, но я не была готова к разговору. Признаюсь, мне как-то проще изъясняться на бумаге, когда надо мной не довлеет взгляд собеседника. В конце концов, письмо можно переписать, а вот неудачно произнесённое слово может всё испортить. С чего начать? Право, не знаю...»

Вы, вероятно, слышали от людей мою историю. Я знала о своем отце лишь по немногословным рассказам своей мамы. Она пыталась по—своему объяснить мне жизнь, свои слабости, любовь к человеку, который был моим отцом. Возможно, мама просто пыталась оправдать себя, а меня немного утешить, чтобы жизнь не казалась мне такой жестокой и тусклой, как допотопная керосиновая лампа в нашей тёмной съёмной комнатке.

В этом приглушённом свете я листала журналы, в которых что-то упоминалось о той стране, где я никогда не бывала, читала стихи на немецком языке, пытаюсь их немного перевести на русский.

Странно любить бесплотную страну, населённую гравюрами Дюрера, средневековыми замками, что затерялись где-то в заснеженных Альпах, чугунными мостами Рейна, Милетскими воротами в музее Пергамон, словом, всё то, что было способно вместить моё детское воображение.

Таких как я называли «немчиками». Об этом я узнала, когда мне было лет пятнадцать. Не хочу Вам рассказывать о своих переживаниях по этому поводу, но с тех пор стала ощущать себя чужой среди окружавших меня людей. Нет, я нисколько их не осуждала, напротив, понимала, почему знакомые на меня посматривают с усмешкой пренебрежения и отчужденности.

Только ваш отец — единственный в этом городе человек, кто понимал меня, точнее, вместе со мной тосковал по мировой культуре. Мы много говорили о живописи, поэзии, музыке. Хотя, конечно, наши познания ограничивались книгами городской библиотеки, но и этого, как мне тогда казалось, было немало.

Ваш отец часто бывал на пленере в старинном заброшенном парке, где ничего не сохранилось от далёкой жизни, кроме старых дубов, у которых корни, похожие на щупальца осьминогов, как-то неестественно оголились, словно деревья хотели высвободиться из-под тяжёлой земли, а кроны, наполненные шумом листьев и воздухом, казались мне зелёными оболочками цепенелинов. Но этим стоящим вдоль аллеи аэростатам так и не суждено оторваться от земли. Чем сильнее дубы расшатывались, пытаюсь освободиться, тем глубже их корни врастали в почву.

В глубине парка стояла даже не скамейка, а простая некрашенная лавочка, на ней я несколько раз позировала вашему отцу.

Уже прошло довольно много лет, но

и сейчас часто прихожу в этот странный парк погулять, прикоснуться к дубам.

Однажды пошел сильный, но тёплый летний дождь. Виктор Антонович раскрыл свой большой выгоревший зонт, так мы впервые оказались на этой скамейке рядом. Вода струилась по листьям дубов, траве, термосу, что я собой захватила, брезенту, нашим лицам, надеждам. Я впервые поняла, что в его шорохе смысла больше, чем в словах.

В этот день он мне сказал, что ему хочется написать мой портрет чистыми красками.

Мне трудно судить о даре вашего отца, но я дышала воздухом его картин. Его искусство помогло мне выжить, точнее, созданная вашим отцом какая-то другая реальность, спасала от оскорблений людей, с которыми мне приходилось, к несчастью, общаться, оно зашторивало убогую мебель в нашем доме, словом, помогало переносить обидную нужду, грубую жизнь.

И сейчас, кроме искусства, у меня, по сути, ничего и никого нет, но оно наполняет, питает меня, делает немного возвышенной и хоть как-то оправдывает мою жизнь...

Часы, проведённые с вашим отцом стали лучшими в моей жизни. Да, я любила Виктора Антоновича, но бесшумно, без надежды.

Простите, Андрей, что дала волю словам, но, как мне кажется, вы меня поймёте».

Я не знал, что мне делать с этим письмом, которое почему-то не было подписано. Оставляя его у себя нет смысла, я его ещё раз перечитал и сжёг в саду.

На следующий день приехал мой старый товарищ по художке, который в последние годы прослыл хорошим экспертом в живописи. Честно говоря, я надеялся, что он сумеет оценить работы отца. За столько лет я ни разу к нему не обращался, опасаясь его жёсткого вердикта. Мы с ним долго перебирали ящики с картинами.

- Андрей, не хочу тебя обнадеживать, но, увы, твой отец так и остался провинциальным художником, любителем-самоучкой. Среда здесь такая что ли, ничего не поделаешь, хотя, конечно, задатки у него были неплохие. Надо было вовремя отсюда сбежать, но он почему-то не смог. А может, и не хотел? Кто теперь знает? — без обвиняков выносил свой вердикт мой товарищ.

Но у меня оставалась в запасе Немка. Я вынес полотно из кабинета отца и поставил их перед экспертом.

- Да, Андрей, удивил, пожалуй, это лучшее, что он написал твой отец за всю жизнь. Весьма интересная дама... Если хочешь, то могу предложить портреты одному коллекционеру...

- Спасибо тебе.

- За что? Я вот так запросто обесценил жизнь твоего отца, а ты меня ещё за это благодарить.

- Напротив, ты лишь подтвердил мои предположения по поводу этих трёх работ.

Вечерним поездом мой товарищ вернулся в Москву, а я тем временем подкидывал и подкидывал в костёр, разведённый в саду, работы отца.

На следующий день я поехал к Немке, прихватив с собой один из трёх её портретов и этюдник.

Сглазили

Лидия СЫЧЕВА

- Встретила я давеча двоюродную сестру Шурку Шалаганку, так она казала: приезжал её Димка из Москвы, он отдал своего сына на учёбу, в юристы. 60 тысяч платят за год — во какая деньга! — ахает баба Галя. Она сидит на лавке за двором, калякает с Маней Утаковой, местной знаменитостью — дочка её, Альбинка, вышла замуж за немца, съехала в Германию.

У Мани на всё есть совершенно точное мнение. Она припечатывает:

- Учатся, учатся, деньги зря переводят!

Сама Маня вышла на пенсию по липовой инвалидности, квартиру в области сдала квартирантам, родную тётку в деревне докормила сначала до инсульта, а потом и до могилы. Любит хвастать, будто Альбинка её подыскала уже подходящее место в заграничной прачечной, «а мужика своего я хоть и дворником пристрою, там улицы чистые».

Баба Галя знает, что спорить с Маней бесполезно, и потому меняет тему:

- Вы, вроде, как ездили на днях куда? Я видела, наряженные шли с остановки, с сумкой...

- Ага, были аж в Воронеже, квартирантам цену повышали — инфляция, — похвасталась своей практичностью Маня. — А у меня там в пригороде есть знакомая экстрасенша, дай, думаю, к ней зайду — давно не видалась. Занесла ей сала, масла подсолнечного, тушёнки банку — всё своё, экологически чистое. А мы ж с ней знакомы лет десять, она мне и говорит по-свойски: «Мань, ты тут посиди, я одну пару приму.»

Гляжу, заходит к ней женщина, худая, заплаканная, и муж с ней. Стали жаловаться, мол, нету лада в семье. Экстрасенша по руке её поглядела, потом на воду воск лила, карты раскинула. Человек она страшно опытный, мудрый, в вере — у ней в углу лампы пылают. Долго она у них биополя проверяла, ауру, потом как гаркнет на эту бабу:

- Женщина, как вам не стыдно! Вы ко мне пришли, плачете, а сами поглядите, с кем живёте! — и показывает на мужа: — Он же ведьмак! Из него черная энергия бьёт! — И мужик этот покраснел как рак, да и выскочил из кабинета. Вишь, как его проняло! Для ведьмаков брак — это отсос энергии.

Певица Азиза по телевизору говорила.

Баба Галя, пока слушала, даже подалась вперед и слегка открыла рот от удивления. Глаза её наивно блеснули:

- А ты значит, Мань, веришь во всё это?

- А как же! — возмутилась Утакова. — Это наукой доказано. Есть вампиры, ведьмаки, домовые — это раньше советская власть отрицала, а нынче такого закона нету. Ты выписываешь газетку «Третий глаз»? — баба Галя отрицательно мотнула головой. — Во, — Маня хохотнула, — в юристы лезут, тёмные люди! Там почти в каждой газетке описаны случаи ведьмачества. С этим не шутят! — угрожающе заключила она.

- Да я чё, — стала оправдываться баба Галя. — Я в Бога верю; вон, огород попола, уже чуть осталось, полосочка, гляжу — такая туча находит! Я как стала молиться Николаю-чудотворцу — мол, как бы погодить, дождь отвести, а то ж картошка зарастёт, все труды пропадут. А туча на небе кабы какая чёрная, прямо стала над головой, всё накрыла. А я полю да молось, прошу — отведи дождь за перелесочек, за рощицу, за дом, за посёлочек. И чё ты думаешь?! И молнии били, и гром трескал страшно — прям голову на части разбивал, и капли кабы какие крупные срывались, а туча ушла! Тут и неверующий поверит...

- Вот так-то, — снисходительно заметила Маня. — Иуэтой экстрасенши, сроду, как я ни приду, люди толкутся. Очень у неё добрый подход к человеку.

- Почём же она берёт? — заинтересовалась баба Галя.

- Не знаю, мы с ней давно знакомые, ещё как на заводе электроламповом я работала. Всегда ей дефицит доставала: фен там, или миксер... И вот, думаю, мы с тёткой живём, не ладим, я ей ничего не буду говорить, что она мне скажет?! А она карты раскинула, и там ясно видно: пиковая дама пожилая с тяжёлой энергетикой. Говорит: такой человек у вас в доме нехороший, скандальный, она и колдует на местном уровне — корову может испортить или настроение людям...

- Конечно, — засуетилась баба Галя, — характер у тетки был трудный, а у кого он лёгкий?! Царство ей Небесное, покойнице.

- Так вот, — прервала ненужную лирику Маня, — экстрасенша мне прям посочувствовала: мол, как ты там, болезная, живешь в этой деревне! Там

же чёрт на чёрте, ведьмак на ведьмаке — страшно неблагоприятная обстановка! Там же люди болеют и умирают!

На лице бабы Гали обозначился суеверный ужас, который тотчас же сменился грустным смирением:

- Ды чё ж... Наши отцы и деды похоронены тут, могилки родные, — баба Галя жалко всхлинула, промокнула глаза синей запонкой, — и хата тут, с Викентичем вон клубники насажали, внуки когда приедут, или детки...

- Ха-ха! — зашлась в злорадном смехе Утакова, — конечно, куда тебе отсюда двигать-то! Оторвешься от родного штакетника, и будешь, как медведь-шатун, блудить! А нам тут делать нечего, тётку докормили, хату продадим. Экстрасенша сказала — в России никаких перспектив нету, добра тут не ждите — место заколдованное. Сглазили.

- Всю державу?! — ахнула баба Галя.

- Ну, где-то меньше это поле энергетическое, где-то больше, а, в общем, добра тут не будет — всё под ведьмаками. Потому как народ у нас дикий и бескультурный. А правительство — кубло ведьмачества. Альбина мне звонит по мобильнику, предупреждает: мама, беги оттуда, беги быстреей...

2001

Лидия Сычёва окончила Литературный институт имени Горького. С 1998 года — главный редактор журнала «МОЛОКО», который основала вместе с однокурсниками Литинститута. Журнал стал первым литературным интернет-изданием «почвеннического» направления. Автор книг «Предчувствие», «Вдвоём», «Уже и больные замуж выходили», «Три власти», «Сёстры», «Дорога поэта» (о Валентине Сорокине), «Мы всё ещё русские» и др. Лауреат журналов «Москва» и «Наш современник», премии имени Андрея Платонова «Умное сердце», премии «Зодчий» им. Дм. Кедрина (за общественную деятельность в литературе), премии им. Александра Невского, Большой премии Союза писателей России, премии им. Дельвига и др. Рассказы переведены на китайский, немецкий, болгарский, арабский языки.

Продолжение. Начало на 1 стр.

Повесть «Горька идёт за отцом» (в некоторых изданиях — «Горька ищет отца») — взволнованный рассказ о мальчике, ждущем с фронта родителя. Когда же он встречается с пришедшим в село Борщёвку солдатом, лицо которого было обезображено ожогами, то и мысли не допускает, что его отец может прийти таким же. Вернувшейся из больницы матери соседки рассказали, что заходивший солдат — возможно, её муж, не узнавший ни ими, ни Горькой. И мать посылает сына догонять солдата.

Нелёгко путь мальчика. Не из-за длинной дороги, а из-за мучивших его сомнений. Вначале он решил вовсе не идти, а отсидеться в шалаше за деревней, матери же сказать потом, что не догнал. «Он торопливо принялся за строительство шалаша, но делал это скорее машинально, постоянно оглядываясь. Работа не клеилась. Сено, которое он носил из копен, не держалось на согнутых аркой ветках, сползало, разбредалось, и из-за этого в шалаше там и сям зияли дыры. И чем больше он наваливал сухой травы, тем заметнее становились просветы. К тому же показалось, что осины зашумели громче, злоуще... Не выдержал Горька, закричал во всю мочь:

— У Гаврюшки Липкина отец весь-весь целёхонький, под бронёй всю войну, у Митьки Пыжика отец и на войне был да пришёл — любо поглядеть... А мой-то... да что я, хуже всех, что ли? И мамка изведётся до смерти, глядячи на такого...

Он хотел ещё многое прокричать, но слёзы не дали. Он опустился на колени, приткнулся лбом к осине и дал волю плачу...

Дальнейшие события разрушают Горькины трусливые планы, в его душе пробуждаются вначале просто жалость, потом — долг. Из сорванца, распевавшего на крыше дома частушки, Горька превращается в человека, впервые осознавшего собственное «я». После встречи с дядей Васей и его женой — людьми не просто добрыми в прямом понимании этого слова, но и благородными, способными пробудить своими поступками доброту в окружающих, подросток задумывается: как-то не так он жил до этого, совсем не то делал. И далеко отступили детские забавы, надо было принимать взрослое решение. Можно было ещё вернуться в родную деревню — путь до неё был ближе, чем предстоящий, но выбрать короткий путь нельзя: в душе мальчика родилась истина, которая отодвигала детство в дальние дали и, кажется, укорачивала предстоящий путь.

Водной деревне Горька познакомился с таким же, как он, мальчишкой, отец которого вернулся с войны без обеих ног. Выслушав Горькин рассказ, подросток с какой-то тайной гордостью сказал: «Мы своего батю враз угадали. Да и то, он хоть и коротким стал, но лицом не сменился...»

И не могла не появиться у Горьки мысль, что кто-то и безногую отцу рад, а он и близко не хотел подпускать солдата с ногами, пусть и израненными. И теперь он уже торопится догнать его, жалея об упущенном времени:

«Новый день был, что и вчерашний, пасмурный — в Горькиных же глазах сияло солнце... Ступал по земле, а верилось — по воздуху. До следующего села было километра три. Горька одолел их, поигрывая... От первого же встречного узнал, что отец ночевал здесь и всего час или два назад в путь двинулся, и что идёт к нему совсем худо... и что если Горька будет шибко ногами двигать, то непременно в Фёдоровке нагонит. Вот тут-то Горька

ПОВОДЫРЬ

зло изругал себя: не спешил бы вчера с ночлегом, мог бы на целую ночь раньше с отцом встретиться. Не пришлось бы ему лишние километры топтать, попусту бить израненные ноги... Как подумал об отцовских ногах, так мурашки по телу высыпали... Вовремя вспомнилась тачка, увиденная за двором у давешнего деда. Горька не слабак, доведёт отца на тачке...

И веселее зашагалось мальчику. Как только он увидел еле передвигавшегося ноги солдата, у него заколотилось сердце: как же он выйдет ему навстречу, что скажет? «Папанька, куда же ты?» Или: «Батя, пошли домой!».

Но какой же удар пришлось выдержать Горьке, не просто сморившемуся с мыслью, что солдат с обезображенным лицом — его отец, а с нетерпением и волнением ждавшему встречи с ним!

«По ту сторону плетня сгорбленная старуха вместе с молодухой прямо на улице моют горшки. От тёплой воды исходит парок. Не разгибая спина, о чём-то беседуют. Вдруг молодая выпрямилась, уронила горшок.

— Мамань, глянь, глянь, кто идёт!

Горька ещё ничего не понял, только ноги отказывались двинуться с места.

Старуха запустила пальцы в седые волосы и, опрокидывая горшки, бросилась навстречу солдату:

— Васятка, сынок! Дитёнок...

И молодая, и старая безумно тискали солдата, уливая слезами счастья... А за углом, всего в нескольких метрах от них, уткнувшись лицом в старый плетень, плакал конопатый мальчик...

Несмотря на грустный для читателей конец повести, а для подростка — трагический, писатель вносит

лирическую, обнадёживающую нотку в заключительные фразы. Горьку в пути сопровождала собачка, которую отпустили с ним, чтобы не скучно было, хозяева, приютившие его на ночь. Она скулила и тёрлась у ног плачущего мальчика. «И видно, от отчаяния собиралась взвиться и уж морду подняла кверху, но увидела над собой среди грязно-серых сплошных туч кусочек чистого голубого неба. Это удивило её и остановило»...

Интересны и познавательны в художественном и историко-краеведческом отношении романы Александра Акулинина «Светла водица» (1989) и «Крепость на Цне» (1989, 1993, 2001). В романе «Светла водица» действие происходит в тамбовской деревне Калиновке в годы, когда за неосторожно сказанное слово можно было крепко поплатиться, когда особенно непримиримой была борьба с религией. Но и тогда находились бесстрашные люди, которые не молчали, не бездействовали, несмотря на то, что успели уже натерпеться от таких, как партийный деятель Лиховатский, заставлявший многих трепетать от одного своего вида. Запоминается Иван Фомич Глушков, жизнь которого складывалась вначале удачно, но в 1937 году его обвинили во «вредительстве», и он много лет провёл в местах заключения. Однако, вернувшись в Калиновку, встретившую его покосившейся избёжкой и сдержанностью односельчан, Иван Фомич всё же нашёл своё место: работа в школе — очередная жизненная ступенька — возродила его душу.

Вызывает уважение Ефросиния Кузьминична Бесперстова, по прозвищу Фроська Бесстрашная. За своё бесстрашие она и получила сполна: и в тюрьме сидела, и предательство

испытала, но не сдалась. А счастье нашла в усыновлённом ребёнке, который вырос настоящим гражданином.

И в этом произведении Александра Акулинина одним из «действующих лиц» является природа. Она, как мудрый воспитатель, и наказывает, и награждает: неожиданно за деревней пробился родник, который стали называть святым источником. Он — символ добра, света и чистоты. Вроде бы и неоткуда ему было пробиться, засуха стояла, дождей долго не было, а родничок — за терпение людское награда. Однако злые и чёрствые люди замахнулись и на эту святыню: кто-то трактором перепахал и свежесаженные осинки, и участок земли с родничком. Но природу победить не так-то просто: «Родничок бежал так же бойко, одолевал рытвины, торил себе руслице»...

Автор так описывает встречу человека с природой, с её явлениями, нередко остающимися из-за мирской суеты незамеченными, что читаешь и словно воочию видишь всё, что хочет показать писатель своему читателю: «Мудрая природа иногда от доброты своей преподносит людям назидательный урок. Вдруг среди серости, однообразия, монотонного течения времени и событий она, как бы сделав крутой, необъяснимый поворот, кажет взору необычное по красоте, удивительное по чистоте и целомудрию явление. И неожиданно удивлённый, замрёшь в трепетном восторге, возвышенный необычным даром и униженный сознанием того, что не в силах понять до конца это великое чудо... Умытые деревья блистают свежей зеленью увлажнённых листьев, сорные травинки, ещё вчера чахло и тонкостебельно вытягивавшиеся подле колодца, теперь изумрудно сверкали в лучах восходящего солнца. И само солнце, удивлённое отмытым до синевы небосводом, взбилось по нему бережно, как заботливая хозяйка, входящая в празднично убранную горницу...»

Представляя такую картину, для описания которой автор находит не обычные слова, а поэтические, идущие из самого сердца, с гордостью думаешь: «А ведь это наша, тамбовская природа!» И может, кто-то после прочтения романа, таких его запоминающихся страниц, по-иному посмотрит вокруг себя и увидит ту красоту и чистоту природы, которая облагораживает и возвышает. Заметным явлением в истории литературы Тамбовского края стал роман Александра Акулинина «Крепость на Цне». Напутствием читателю звучат заключительные слова эпилога романа: «Нынче в черте Тамбова, на территории кардиологического санатория, уцелел лишь небольшой кусочек того давнего леса. Растёт тут дуб-великан. Специалисты определяют его возраст в пятьсот лет. Дерево находится под охраной государства... Где-то я читал, что деревья своими клетками «запоминают» происходящее вокруг, около них. Надо только понять, расшифровать язык деревьев, и мы можем узнать, что было многие-многое годы назад.

Может, придёт такое счастливое время, и мы без труда сможем «поговорить» с дубом-патриархом. И он расскажет нам истину о давних наших предках. Как хочется верить в это!»...

Александр Михайлович Акулинин скончался в Тамбове 30 июня 2010 года, но он жив в сердцах родных, в памяти благодарных читателей и друзей по писательскому цеху.

Валентина ДОРОЖКИНА

Владимир САМОРОДОВ

Владимир Георгиевич работал на двух работах, и везде головой. Ко второй работе, которой он уделял два дня в неделю, а именно преподаванию в университете, он относился не всегда серьёзно, но любил её и считал главной.

«Опять надо взять какую-то справку в медпункте», — думал Владимир Георгиевич, направляясь напрямик к старой белой двери, за которой лечат людей.

«Здравствуйте, здарсьте, Владимир Георгиевич», — раздавались со всех сторон приветливые голоса студентов, торопящихся от учения к учению. Всех он помнил, желал им добра и ставил всем зачёты, так как не хотел никого обижать. Хотя получалось, что обижались все, кто готовился. Проводя лекции, он запинался, ставил неправильно ударения, а один раз опрокинул горшок с цветком и, прервав лекцию, побежал на кафедру спрашивать веник с совком. Там его отговорили от этого занятия, но сей инцидент мучил потом его ещё несколько месяцев. Вспоминался летящий горшок, разбивающийся вдребезги под смех студентов. Ему было жалко не сорванную лекцию, а сам цветок, который потом преломлялся в его искажённом сознании, представляясь символом жизни и молодости, красоты и цветения.

«И зачем мне получать эту справку для допуска к преподаванию, у меня же есть медицинская книжка, в которой отмечено, что я совершенно здоров. Эту печать мне поставили за какие-то скромные полторы зарплаты. Но ведь нет, нужна ещё справка, якобы я здоров и по справке, и по медкнижке, можно сказать, вдвойне. Ну, ничего, на кафедре сказали, что надо просто прийти в медпункт, показать медкнижку как подтверждение, что здоров, и на этом основании выдадут справку». Опять Владимир Георгиевич удивлялся, отгоняя от себя рациональные мысли и вопросы, которые насыщали его голову, и твердя себе: «Надо - значит надо, всё просто: зашёл, показал документ, и получил справку, и вышел. Дело сделано, всё просто».

Неожиданно Владимира Георгиевича стукнуло дверью по лбу. Отшатнувшись, он увидел выбегающего смеющегося студента Кренделёва, с бумажкой в руке, который радостно отдался от него, не замечая никого вокруг.

Справка

«Видимо, вылечился», — подумал Владимир Георгиевич, наблюдая за знакомым студентом. Придержав дверь, зашёл в медицинский пункт. Начальник картотеки — молодая полденькая девушка в халате виднелась из форточки, прорубленной в середине двери, и занималась думами о здоровье вошедших сюда когда-то.

- Здравствуйте, понимаете ли, — начал говорить, подойдя к ней, Владимир Георгиевич, — мне необходима справка, для того чтобы дальше преподавать. Не могли бы вы мне выдать её на основании медкнижки?

- Вы кто? Медкнижка? Факультет? — проговорила сразу эта девушка и, получив медицинскую книжку, сказала:

— Всё понятно, у вас прививка просрочена, надо в архиве поискать. Если там есть, то повезёт, — и ушла в архив.

Просидев с час на скамейке, обитой на уроке технологии или рукоделия студентами, Владимир Георгиевич забеспокоился, что час уходит из его жизненных планов, предлагая жить дольше. Хлористый больничный запах напоминал о больном детстве. Но не это беспокоило его больше всего, он основательно думал о прививке. Круговорот его размышлений можно описать несколькими словами: «Что? Как? Зачем и почему?». Через некоторое время голос из-за стены заключил:

- Архив сохранился не полностью, искать не имеет смысла, скорее всего, вы её не делали. Приходите завтра с часу до двух, уколает врач.

Сказав это, девушка села на своё место и принялась подчинять старые карточки больных.

Выйдя на улицу, Владимир Георгиевич ощутил пасхальное тепло с неба, почувствовав благо жизни. У него было в запасе порядка четверти часа на автобусе до бюро, где он трудился по основному месту. В автобусе он забылся, затолкался с людьми, невольно заслушался разговорами попутчиков, ощутил причастность к обществу. Распределял в голове деньги на оставшийся месяц, считал упущенную выгоду. Передал мелочь за проезд и вырвался из этого устройства, питающегося людьми. Правда, не совсем: чемодан зажевало дверьми и выдавило из него несколько «суждений Сократа» и вырезанное из газеты стихотворение некоего Олега Тётушкина, которые воспарили, с помощью ветра, над суетой. Владимир Георгиевич же собрался с силой и, вырвав свой чемодан, проводил их полёт глазами.

По дороге в бюро думал, что можно было недодать рубль, и когда бы эти деньги только дошли до кондуктора, он бы уже как с минуту вышел, получилась бы экономия. Потом подумал, что с этой логикой можно вообще не платить за проезд, но, осознавая мелочность своих мыслей, бросил их развитие. Подходя к бюро, увидел застывшие два рубля на дороге и начал усердно бить лед. Пот промочил его глаза и он снял шляпу.

В бюро оправдывался перед собой,

что каблук на туфлях уже давно был стар, и если бы не эта причина, то он точно бы отвалился в скором времени.

- Владимир Георгиевич, скажите, пожалуйста, удачно ли вы сходили за справкой? — спросил его коллега культурным тоном.

- Вы знаете, Семён Розанович, я, к сожалению, получу эту справку, как только сделаю прививку. Так что извиняйте, я завтра отсутствую с часу до двух. Необходимо уколиться.

- Позвольте узнать, что за прививка?

- С этим сложнее, мне не сказали, — ответил Владимир Георгиевич, задумавшись о том, правильно ли он сделал, что не спросил, что за прививку необходимо ему делать. Но в тоже время ответил себе: «Если бы он спросил об этом и ему не смогли бы ответить, то было бы ещё хуже оттого, что ему необходимо сделать прививку, а какую — не знают. Ну, это уж совсем глупость, как они определили тогда, что именно этой прививки у меня нет», — оборвал он свои мысли.

- Вот это да, — прервал его размышления коллега, — вы обязательно узнайте, что за прививку вам будут делать, и обязательно купите с собой чистый одноразовый шприц, а то мне рассказывали, что они там одним всем колят. Да и вообще, я помню, мне говорил друг одного моего знакомого сокурсника, что как-то один раз там кого-то укололи и что-то произошло, не помню уже что, но люди об этом долго говорили.

Вечер Владимир Георгиевич провёл, как все предыдущие, за исключением двух обстоятельств, искаживших гладкую кардиограмму его жизни. Вечером он положил в карман пиджака пятимиллиграммовый закупоренный шприц. Несколько раз он примерял данный пиджак на предмет того, не выступает ли шприц, не топорщится или от этого воротник, но, не придя к логическому выводу, лёг в кровать. Ночью он никак не мог заснуть, ворочался в разные стороны, думал, осуществляя в голове мысленный вертеп: «Что? Как? Зачем и почему?».

«Что же это за прививка? Вот, например, я завтра зайду в медпункт, и надо прям с порога, первым делом, спросить, что это за прививку вы мне собираетесь делать, и чистые ли у вас шприцы. Если не скажут, то отказаться, да и дело с концом. Или вообще уволюсь, просто пойду, напишу заявление. Приду вот, например, в деканат, меня сразу спросят: «Давайте нам справку, или не выпустим», а я им тут заявление по собственному желанию, нате, выкусите и баста. Обыграю их, так сказать. А подпишут ли без прививки это заявление? И всё же, что за прививку мне собираются делать? Я слышал в коридоре, студенты говорили, что они там, в медпункте, шприцы в тазах с водой хранят и там же полощут». Перебирая эти мысли, словно считая овец, Владимир Георгиевич пытался заснуть.

«Я знаю, мне говорил один дельный человек, что в жизни, пока руку кому-нибудь не посахарить, сам в рот сахар

не положишь. Поэтому я знаю, что делать. Деньги есть, но это пошло, да и зачем. Надо купить шампанское и коробочку конфет. Да, и там всё сделают, все печати сразу поставят и спрашивать не будут. И чего я раньше не догадался». Владимир Георгиевич заходит в кабинет к врачу, улыбается, вежливо присаживается рядом, передаёт большой разноцветный пакет и говорит: «Я вчера к вам приходил. Мне тут справочку обещали выдать». Доктор, приветливо улыбаясь, говорит: «Ах, да, конечно, какие пустяки». Тянется за печатью, и в это время в кабинет заходят заведующая кафедрой, декан факультета и какие-то люди в штатском, берут его за руки и начинают кричать, что он взяточник, живёт не по правде. Владимир Георгиевич падает со стула, начинает тяжело дышать и, в конце концов, хватается за сердце, глубоко и конвульсивно заглатывая воздух и задыхаясь, как сломанный пылесос. Все эти люди, образовав круг, свысока строго смотрят на него.

Оборвавшийся сон утомил тело и разум. Пот, выступивший на высоком лбу, заиграл на лучах восходящего солнца. Ещё один день подарила жизнь.

«Дело в том, что мне необходимо основательно узнать, что это за прививка, как она называется, зачем делается, при каких условиях, какие противопоказания и какие у вас шприцы», — думал про себя, сидя на знакомой скамейке в ожидании, когда его пригласит в кабинет врач. Так Владимир Георгиевич готовился к прививке.

- Заходите, — женский взрослый строгий голос раздался из-за стены.

Владимир Георгиевич встрепенулся, дёрнул ручку процедурного кабинета, голова у него потяжелела, мысли скомкались, он почувствовал волнение, аналогичное испытанному на государственном экзамене по теории государства и права. Неизвестность, как и тогда, карала его ум за излишние думы.

Раздевайтесь до пояса и ложитесь на кушетку, — сказал врач, не поворачиваясь к своему пациенту, ища в углу, по всей видимости, необходимые причиндалы.

Попытка сказать что-то в ответ доктору показалась не только нетактичной и неуместной, но и невозможной, так как надо было быстро раздеваться и ложиться на кушетку. От неспособности формулировать мысли и неотвратимости неизвестной прививки Владимир Георгиевич прилёг, поблдевал, задёргался, тихо застонал, зашептал: «Зачем, зачем?». Комариный укус иглы почувствовало его тело, мысли пронеслись в его голове, как фотокарточки в альбоме. Бренность жизни, планы и невозможность ничего изменить нависли тяжёлым грузом, закрыв ему глаза.

В последующем на Владимира Георгиевича была выдана справка. В этот же день студент Кренделёв не появился на занятиях, мотивировав это своей болезнью. Весь вечер заведующая кафедрой пыталась дозвониться до преподавателя Владимира Георгиевича, чтобы сообщить о новости, поступившей сверху, где уточнялось, что теперь тем, у кого есть медицинская книжка с печатью, справка не требуется, так как дублирует предыдущий документ.

Искусство взгляда

Имя фотографа Алексея Герасина вы не найдёте на страницах журналов и газет, он творит, как говорится, в стол, но когда мы познакомились с некоторыми его работами, то решили, что будет правильным, если «РГ» поддержит талантливого фотохудожника. Его работы проникнуты тихим

лиризмом чёрно-белой фотографии, вызывают множество ассоциаций, в них ощущается глубина замысла, подтекст, различные оттенки смысла, интересный ритм, ракурс, композиция, главное, его работы отличаются индивидуальным почерком. Пожелаем Алексею творческих удач!

**Рассказ-
газета**

Отпечатано в типографии
ОП «ТТ «Пролетарский
светоч» АО «Издательский дом
«Мичуринск». Адрес: 392000,
Тамбов, Моршанское шоссе, 14

Тираж 999 экземпляров.
Заказ №3472.
Распространяется бесплатно.
Точка зрения редакции может
не совпадать с мнением авторов
статей.

Редактор О.В. АЛЁШИН
Вёрстка Э.Н. Землянский
Телефон: 8 953 718 1322